

ВИТАЛИЙ ТРОФИМОВ – ТРОФИМОВ

ТРЕХРУКИЙ АНГЕЛ

ПРЕДАПОКАЛИПТИЧЕСКИЙ РОМАН

Виталий Трофимов-Трофимов

Трехрукий ангел.
Предапокалиптический роман

«Издательские решения»

Трофимов-Трофимов В.

Трехрукий ангел. Предапокалиптический роман / В. Трофимов-Трофимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837929-1

2073 год. В мрачном будущем Нового Средневековья, пропитанном идеями трансгуманизма и приближающегося конца человечества, русский спецгент ООН по борьбе с терроризмом Шухрат Мухаррам преследует боевиков, учинивших катастрофу в Кашмире. Чем дальше он расследует это дело, тем яснее становится, что это часть еще большего плана по разрушению мировой политической системы и мировой экономики. За всеми событиями стоит таинственный Архитектор, который, кажется, решил уничтожить мир.

ISBN 978-5-44-837929-1

© Трофимов-Трофимов В.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА I	6
ПРОЛОГ	17
ГЛАВА II. Continentopolis	23
Сетевой дневник Крысолова, день 64	37
ГЛАВА III	38
Сетевой дневник Крысолова, день 64	50
ГЛАВА IV	51
Сетевой дневник Крысолова, день 65	67
ГЛАВА V	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Трехрукий ангел Предапокалиптический роман

Виталий Трофимов-Трофимов

Редактор Андрей Верин

Корректор Татьяна Румянцева

Дизайнер обложки Вера Андреева

© Виталий Трофимов-Трофимов, 2017

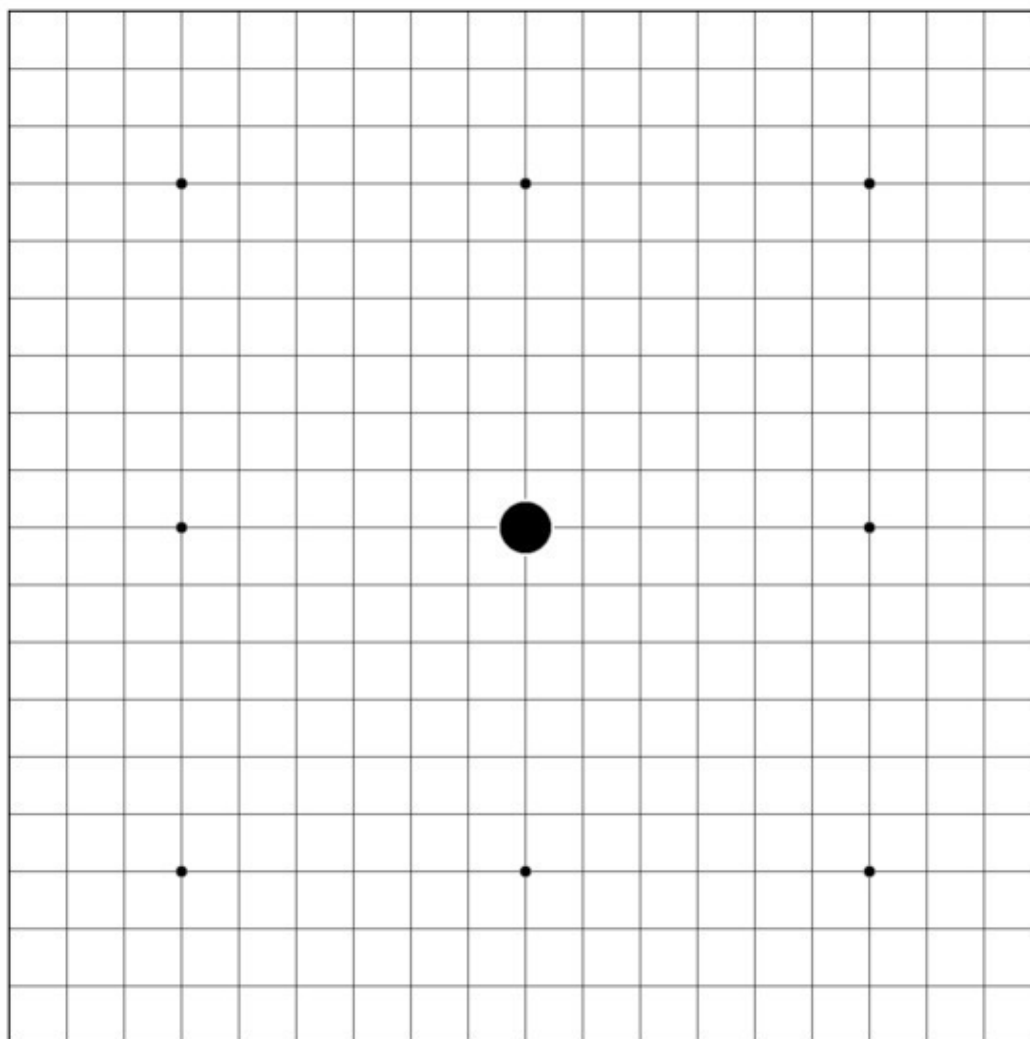
© Вера Андреева, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-7929-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырёх животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить»
(Апокалипсис 6:12)*

ГЛАВА I

«Добро пожаловать в Новый мировой порядок!» – гласила надпись, черными буквами начертанная по желтой фотоактивной бумаге на билборде. Нынче такие способы рекламы уже стали раритетом, но в красных зонах земного шара все еще использовались, так как стоили довольно дешево. Надпись обращалась к тем, кто посещает разрушенный ламаистский храм. Обратную сторону рекламного щита покрывала корка грязи, нанесенная брызгами снующих туда-сюда в туристический сезон внедорожников. В лучах заходящего солнца она блестела как кварц или слюда.

Стараясь не шуметь, один из непрошенных посетителей обошел две невзрачные импровизированные могилы во внутреннем дворе храма, вынул из разрытой у каменной стены ямы новехонький кейс, сдернул полиэтилен, в который тот был обернут, и поставил на землю. Подчиняясь неозвученной воле хозяина, кейс принял горизонтальное положение и отворился, демонстрируя сложенную в него местную одежду, простоватую и грубую, бумажные карты и небольшой запас упакованной еды.

– Это карта, которую нам передали хорватские военные. – Обладатель кейса вынул небольшой бумажный сверток и протянул его темноте в дальней части храмового двора. –

Патрули миронавязателей контролируют практически весь периметр Кашмирской долины, но с помощью Аллаха, Милостивого и Милосердного, мы нашли прореху в обороне.

От дальней стены двора отделилась еле заметная тень. Молодой парень лет двадцати с уставшим высохшим лицом вышел из мрака и уставился на своего собеседника. Его одновременно пугало и вдохновляло лицо организатора: глаза, расположенные на разной высоте, немного смещенный влево нос, перекошенные губы, словно насмешливо скривившиеся косою ухмылкой.

Он уже протянул было руку, чтобы взять сверток, но визави не торопился вложить бумаги в открытую ладонь джихадиста.

– Наджа Рафша полагает, что ты достоин выполнить свое предназначение. А я считаю иначе! Ты надменен, горделив и не силен в учении Пророка. Наши братья из «Herbatronics» потратили много сил, чтобы ты помог нам в священной борьбе, а ты не проявляешь ни уважения, ни усердия, ни смирения! Я считаю, что ты не стоишь того, чтобы попасть в Джаннат к нашим правоверным братьям. У тебя два дня! Ты хашишин и не должен справлять намаз. Иди в Шринагар третьим путем. Даже если там, иншалла, ты исполнишь хотя бы половину должного, даже это для меня будет удивительно!

– Учитель верит мне! – бросил молодой человек. – Он приказал мне сражаться с муртадами! А ты и твои песьи дружки прислуживают мне и нашей великой умме!

Молодой боевик рванул вперед и попытался выхватить карту у собеседника, но тот увернулся и с размаху пнул его под коленку. Пока джихадист падал, владелец кейса отбросил в сторону спутниковые карты и схватил юношу сзади за воротник просторной пуштунской рубахи и за пояс, не позволив ему упасть на живот.

– Мой руководитель приказал мне притащить вас к победе в джихаде, хотите вы того или нет, – с усилием пробормотал организатор.

Он отбросил юношу так, что тот перевернулся в воздухе и упал на спину прямо возле двойной могилы. Сплевывая кровавые сгустки, поднялся, хватаясь за гранитное надгробие, на котором местный мастер грубым инструментом выбил надпись: «Здесь покоится Мария Кроиц, светлый человек, на долю которого выпало много плохого, 2048—2073».

– Когда придешь на площадь, проглотишь вещества, что дали тебе наши правоверные братья из корпорации. Это придаст тебе сил, уверенности и подавит страх, который ты, конечно же, будешь испытывать, собака. Возьмешь в руки газету или книгу. Миронавязателей учили не обращать особого внимания на тех, у кого есть признаки мирных жителей. Они будут смотреть на тех, кто озирается и шарит глазами по сторонам, поэтому постарайся расслабиться и не пялиться ни на них, ни на бронетехнику. Твоя цель не мунафики из «Национального возрождения», продавшие свою душу Шайтану. Им уже уготовано место в Джаханнаме! Твоя цель – то сборище кафиrow, что придет их послушать. Смешайся с толпой, проникни в центр и делай так, как тебя учили в «Herbatronics».

Юноша сел, опершись спиной о надгробие. Левою рукою он вытирал кровавые сопли, правой держал себя за живот. Наркоз переставал действовать, и давящая на оставшиеся внутренности биоэлектроника отражалась кинжальной болью во всем теле.

Собеседник вынул из кейса кашмирскую одежду и кинул ее на землю рядом со смертником. Тот подобрал пхеран, длинную свободную рубаху из тонкой кашмирской шерсти с замысловатым, но не оригинальным узором, и ширахшату, местный головной убор.

– Откуда мы знаем, что ты не слуга Даджала? – произнес через некоторое время юноша. – Кто может свидетельствовать о твоём благочестии? Как твоё имя? Кто твои предки? Во что ты веришь?

– Ты говоришь как фаджир и трус, – ответил организатор, перекладывая вещи в кейсе, чтобы они не перемешались при переносе. – Правоверные во всем дар аль-исламе знают меня под именем Специалист, и я в свои весьма не преклонные годы уже сделал во имя веры больше,

чем ты и весь твой жалкий род до седьмого колена. Я веду войну на основании истихсана, и Аллах видит мои дела. Одевайся и ступай умирать той смертью, какой тебе предписали! Если Аллах будет милостив, ты скоро сможешь обнять своих предков.

Следом за одеждой Специалист кинул боевику тактические спутниковые карты, а сам достал из внутреннего кармана куртки отсыревшую сигару, которую с большим трудом раскурил.

Наспех переодевшись и забрав распечатки, молодой хашишин покинул храмовый комплекс по дороге на Гилгит.

Лишь только исполнитель скрылся за дальним холмом, из-за полуразрушенной дальней стены, отделявшей внутренний двор от бывших цветущих фонтанов, вышел антропоморфный, двух с половиной метров робот, дистанционно управляемый через спутник. На его металлической груди красовалась эмблема триединства – кубок с тремя кольцами миров-систем.

Аккуратно шагая, словно живой человек, по обломкам стен, он вызывал отвращение тем, что так походил на людей, но в то же время несколько не был живым.

– Не обязательно меня подстраховывать, – безразлично произнес Специалист.

– Я прислан не для этого, – прозвучал в ответ металлический глубокий голос робота-аватара, – Воронов уже на месте и выполнил свою часть работы. Теперь твоя очередь. Будь осторожен. После смерти Лаборанта ты теперь на вес золота...

Электрокар на полной скорости миновал пустынные предместья Шринагара и въехал на территорию района Ширази-Багх. Массовые мероприятия проходили здесь, в обстановке, близкой к состоянию гражданской войны.

Миновав бронетранспортеры ООН, раскрашенные динамичным камуфляжем и белыми надписями «KasFOR», и блокпосты сил по навязыванию мира, представительский «седан» оказался в зеленой зоне. На побережье городского озера Локут-Дал автопилот подвел автомобиль к единственному не занятому парковочному месту, развернул колеса на девяносто градусов и боком втиснул его между старыми ржавыми консервными банками, на которых ездили представители правящей партии.

Женщина средних лет в деловой одежде и с таким же выражением лица в сопровождении телохранителя и военного атташе, которых пассажир больше всего опасался здесь увидеть, появилась почти сразу, как по волшебству, материализовалась практически на пустом месте. Телохранитель подошел к задней левой двери машины и настойчиво постучал своим киберпротезом руки по тонированному бронестеклу.

– Эй, внутри, вы кто? – спросил он холодно.

– Можете звать меня Румпель Штильцхен...

– А почему в сопроводительных документах написано, что Феликс Дюран? – уточнил подошедший военный.

– Ну так какого черта спрашиваете, если все уже знаете?

– Смотрите, да он пьяный! – снова пояснил служилый.

– Я не пьяный, – оправдался Дюран, – Половина моего мозга сейчас контролирует спутник, повисший над регионом...

Последней подошла женщина и, на миг задумавшись, неожиданно вспомнила его.

– Феликс, ты совсем уже стыд потерял! – сказала она, когда Дюран открыл дверь и, настойчиво отстранив телохранителя, освободил себе проход.

– Я бы на вашем месте не толпился у электрокаров. Кашмирцы используют когерентные излучатели, которые с расстояния двух километров позволяют нагревать аккумуляторы, – бросил им Феликс Дюран и направился сразу же в сторону центральной сцены, разложенной в городском парке.

Играла легкая музыка, и уставший народ стягивался к месту проведения партийного мероприятия. Выступление лидеров «Национального возрождения», хэдж-групп, сбор подписей в поддержку нового кандидата в кашмирские президенты взамен предыдущего, убитого исламистами. Надо отдать должное местным правящим силам, они делали все возможное, чтобы нормализовать обстановку и остановить весь тот хаос, что длится с момента обретения независимости.

На входе в парк организаторы установили три флаштока с зеленым флагом, на котором изображалось странное животное. Дюран на секунду остановился, чтобы их разглядеть, а потом пересек парковый периметр и взял резко влево, не смешиваясь с толпой. Встречающие проследовали за ним.

Парк представлял собой окультуренную свалку с неровным ландшафтом. То тут, то там возвышались холмы от проседавшего подземного мусора, который, скорее всего, еще и выделял метан. Такие углубления легко удавалось отличить от воронок авиационных бомб, наследия последнего вооруженного индо-пакистанского конфликта за Кашмир. Края у последних были менее ровные и гладкие.

По парку шла центральная дорожка, пересекавшая зеленый покров с юга на север и распадавшаяся на несколько рукавов. Сердцем парка являлась центральная площадь, огороженная со всех сторон небольшими техническими строениями и полицейским транспортом, – чтобы регулировать численность сторонников и контролировать проникновение провокаторов. Вход как в лучших традициях – через рамку металлоискателя.

– Саблезубая черепаха! Местные националисты не смогли придумать ничего лучше, как использовать китайскую химеру на своих партийных флагах! Видимо, так они и рассматривают свою стратегию интеграции в региональные союзы – медленно вгрызаться!

– Так откуда информация? – перебил его атташе.

Дюран остановился, сделал несколько манипуляций руками, и перед ним возникла проекция женщины с устаревшей, но добротной снайперской винтовкой в руках. Она не обращала на него никакого внимания, только что-то разглядывала в пустоте.

Феликс повернулся к делегации:

– Вчера на меня вышел представитель корпорации, торгующей информацией, под названием «Vengeance inc.». Он сообщил, что баваша пересек афгано-кашмирскую границу со стороны Вакханского коридора, его цель – нанести еще один удар. Хорошая новость заключается в том, что это один смертник, а не три, как на той неделе. Плохая – ваши патрули его не выявили, и он уже, скорее всего, здесь.

– Но почему он вышел на вас? – уточнила женщина.

– Не знаю. Может, это связано с Крысоловом и тем бардаком, что развел UNISS в Кашмире под вашим чутким руководством? Ратников считает, что в этом деле у нашего управления и вашего есть не просто общие точки, а целая китайская акупунктура.

– Я вас умоляю! – воскликнула начальница.

Феликс ее уже не слушал. Он повернулся к своей виртуальной спутнице.

– Привет, дорогая. Все еще пользуешься этой дрянью?

– Это хорошая винтовка, – произнесла, не отрываясь от прицела, женщина. Мой брат собрал ее своими руками. Я убила ею уже девяносто человек...

– Что-нибудь есть?

– В парке десять тысяч человек. Используй я все спутники ООН, которые висят над регионом, даже тогда я не смогла бы гарантировать, что найду нашего подозреваемого...

Феликс поднял глаза на крышу ближайшего торгового центра. В углу блестел оптический прицел Ирэн Ле Блэр, светящийся как маленькая вечерняя звездочка.

Не отвлекаясь, Дюран направился вдоль забора, ограждавшего парк, и вскоре оказался на небольшой площади с буддийской скульптурой в центре, у которой местные мусульманству-

ющие вандалы уже отсекали голову. Согласовав свои движения с виртуальной картой, он направился дальше. Местный представитель UNISS со своей свитой продолжала его преследовать, даже когда он оказался на краю толпы и попытался рассчитать какое-то ему одному известное направление.

– А кто эти баваша? – поинтересовался военный.

– Крупные корпорации используют исламистов-самоубийц, чтобы защищать свои интересы в регионе, – пояснил Дюран, не отвлекаясь от процесса. – Мы научились обнаруживать человека, который несет на себе взрывчатку, но этим взрывчатку делают из биоматериалов и помещают в живот. Части бомбы собираются вместе перед самым моментом взрыва, пульс процессора не отследить.

Военный атташе пощупал с тревогой свой живот.

– Баваша живет не больше трех дней, – продолжил Дюран. – Торговец информацией сказал, что таджикский филиал «Herbatronics» подготовил бавашу позавчера утром.

Рядом проявилась проекция снайперши.

– Феликс, дорогой, я что-то вижу.

– Где?

– От тебя на тридцать градусов и в семидесяти метрах. Сразу не разглядеть. Очень характерные признаки: пигментация кожи, одежда, не соответствовавшая социальному статусу, наркотическое отравление...

Феликс приподнялся на носках, чтобы взглянуть на подозрительную личность поверх голов и без того невысокого роста кашмирцев, но ничего подозрительного ему в глаза не бросилось.

– Можешь прицелиться?

– Слишком людно...

Дюран откинул полу своей неприметной куртки и отработанным движением одновременно снял пистолет с предохранителя и отстегнул крепеж кобуры, препятствовавший выпадению пистолета. Он продолжал вглядываться в толпу, выискивая того, кто вызвал подозрение Ирэн.

– Они всегда действуют по одной и той же схеме. Сперва секулярные силы добиваются независимости, потом приходят фундаменталисты и убивают всех, кто хотел бы построить светское государство. Откатывать назад уже поздно, ООН признает новое государство, и формально демократическая процедура соблюдена. Но может, это проблема не в них, а в нас? Нам приходится врать, что идет локальная борьба Добра со Злом, а не результат распила бюджета организации, которая ничего не решает, реакционерами, чье время давно прошло...

– Мы не были к этому готовы! – попытался оправдаться военный атташе. – Нас прислали сюда только после того, как появились сведения о применении этнического оружия.

– Кроиц пожертвовала своей жизнью, а Крысолов здоровьем, чтобы вы притащили сюда свои задницы. Интересно, хоть кто-нибудь готов решать реальные проблемы, а не этические?

Дюран хлопнул по плечу военного и уже собрался двинуться вперед, расталкивая местных сторонников партии власти, как вдруг к югу от митинга послышались серии хлопков и звуки, похожие на сдавленные крики.

– Это что? Выстрелы?

– Сканер говорит, что в километре, – проворчал недовольно и несколько не напряженно телохранитель.

– Быть не может, это уже в зеленой зоне!

– У вас гости, – подтвердила его опасения проекция снайперши.

Ситуационный штаб UNMAPFOR среагировал гораздо быстрее. В парк на большой скорости въехали два бронетранспортера сил ООН по навязыванию мира в Кашмире и на пол-

ном ходу развернулись в южном направлении, случайно задавив одного митингующего. Толпа пришла в движение. Говорят, слухи распространяются с огромной скоростью, и тому явилось подтверждение. Паника зародилась где-то в глубине людской массы и начала прорываться к краям беснующимися группами, отовсюду слышались выкрики на кашмирском, которые встроена в мозг Дюрана электроника не могла распознать и перевести.

Поскольку основные массы собравшихся ринулись на восток и север, четыре европейца смогли безопасно проскользнуть между полицейскими машинами и небольшим техническим строением, представляющими собой границу проведения массового мероприятия, и оказаться в небольшом ландшафтном углублении, скрывавшем их от событий на юге парка. Но это оказалось мнимой защитой.

На всем ходу из-за возвышения выскочил грязно-белый пикап с наспех приваренными балками, повышавшими жесткость корпуса. Все лобовое стекло оказалось забрызгано кровью, и даже если бы водитель был жив, он все равно не смог бы управлять электрокаром. Подскочив на полметра над углублением, машина врезалась капотом в его противоположную сторону, поднимая в воздух комья земли и травы.

Из кузова вывалились двое еще живых боевиков в черных чалмах и свободных рубашках, стянутых поверх широким поясом, в серых и зеленых безрукавках. У одного из них на плече виднелся туго повязанный черный флаг с арабской вязью, смысл которой не сложно было понять.

– Джихадисты! – прошептал военный, вынимая из кармана старый наградной пистолет.

Оружие застряло в кобуре, и, находясь на линии огня между Дюраном и боевиками, атташе только представлял собой препятствие. Он присел, чтобы не собрать все пули, когда начнется заварушка.

Феликс не стал мешкать, он наступил ногой на плечо военного и, оттолкнувшись, подпрыгнул довольно высоко и резко, оказавшись на секунду вне традиционных траекторий стрелкового боя.

Один из боевиков, который краем глаза еще фиксировал Дюрана, подхватил оброненный при падении автомат, но, подняв ствол, не нашел агента на том месте, где тот был секунду назад. Военный дергал пистолет за ручку, он явно не соответствовал его ожиданию, и буквально на секунду ввел исламиста в состояние неопределенности. Этого оказалось достаточно, чтобы Дюран, перепрыгивавший фундаменталиста, сделал два прицельных выстрела.

Агент упал на бок, выронив блестящий пистолет, и этим воспользовался другой фанатик. Он навалился на Дюрана всей массой, пытаясь передавить горло врага ствольной коробкой автомата. Бой оказался недолгим: телохранитель так же резво перемахнул через военного атташе и в ту же секунду круговым ударом проткнул горло боевика пальцами. Тело последнего замерло на секунду, а потом медленно повалилось в сторону, так и не утратив напряжения.

– О да, спасибо, – прохрипел Дюран.

Телохранитель протянул руку и, не дожидаясь, пока агент подаст в ответ свою, схватил его за отворот куртки и рывком поставил на ноги.

Потерев передавленное холодной сталью горло, Дюран пинком перебросил автомат на тело убитого джихадиста так, чтобы приклад лег тому на ногу, а ствол продолжал оставаться на земле, а потом ударил по прикладу ногой, заставляя оружие подскочить и оказаться у него в руках.

То, чем пользовались нападавшие, мало походило на старые полуржавые «калаши» сотой серии, широко распространенные среди нищих стран с диктаторскими режимами и незаконных вооруженных формирований, бьющихся за установление очередного, уже четвертого в этом регионе, Халифата. Автоматическая винтовка Елизарова, штатное оружие Евразийского Союза и одна из самых замечательных стрелковых вещей, используемых в современных армиях. Дюран отомкнул магазин, потом примкнул обратно, определив тип патронов.

– Современная штурмовая винтовка, рельсовый интерфейс, подствольная цепная пила, тактическая рукоятка, GARSIF-прицел автоматического наведения, оксигенизирующие патроны... Меняют свой объем: в стандартный магазин входит пятьдесят штук. Это импорт...

Атташе достал, наконец, свой пистолет, но тут же вложил обратно за ненадобностью. Он поднял другой автомат, покрутил его в руках, а потом произнес глубокомысленное «э...», привлекая всеобщее внимание.

– Вы узнаете номер? – спросила молчавшая до того, замершая на месте женщина, одолев свой страх перед возникшей ситуацией и ее неожиданной развязкой.

– Да, миссис Нойс, – кивнул в ответ атташе. – Это оружие из Балха.

– Хишпак! Вы поставляете оружие в красные зоны, и теперь им расстреливают наших людей! – возмутился Дюран. – Когда мы имели дело с неорганизованным скотом Наджи Рафши, еще можно было использовать ресурсы UNISS для подавления бандформирований. Но теперь в Кашмир пришли боевики из Балохистана, которых иранские военные выдавили со своей территории, и теперь мы пляшем под их дудку. Какая тварь вооружала иранских белуджей?

– Ты и сам знаешь... – печально произнес атташе.

– Нет-нет, я говорю не про ваших нанимателей, а про ваших правителей. Не президент ли Северо-восточных Соединенных Штатов Уильям IV в прошлом месяце говорил про то, что ваша страна должна помочь несчастным белуджам в их стремлении к демократии?

Дюран скинул с себя куртку, обнажая поношенный свитер, перехваченный поверх кобурой-оперативкой и скрывавший глубокие следы модификации тела в районе шеи. Он распахнул безрукавку боевика, которого застрелил, и вынул из ее внутренних карманов дополнительные магазины с патронами.

– Ты меня поражаешь, и в этом весь ты! – презрительно бросила госпожа Нойс. – Кидаться на врага как бешеный пес – это и есть твой смысл жизни?

– Нет никакого смысла жизни, мэм, – ответил Дюран, подобрившись к самому краю углубления и пригнувшись, чтобы его не видели боевики, разжигавшие на южной окраине парка настоящую бойню. – От каждого человека в конечном счете останется только двадцать литров нефти. И нет в этом никакого смысла!

Сторонники «Национального возрождения» практически освободили центральную площадь парка, разбежавшись в разные стороны. Около десятка человек остались лежать на месте проведения мероприятия, затоптанные толпой, сломавшие конечности или получившие сотрясения. Возле северного и восточного выхода из парка образовалась давка, оттуда доносились чьи-то истошные крики и иногда даже стрельба, но не автоматная, стреляли из гражданского оружия.

Дюран высунулся из укрытия. В двухстах метрах горел один из легких транспортеров, переданных миссией UNMAPFOR в дар кашмирской полиции для повышения уровня безопасности в столице. Дальше находился один из бронетранспортеров миропринудителей, чей пулемет без перерывов молотил по дальнему краю парка, где окопались боевики. Время от времени пролетали надствольные гранаты, выкорчевывавшие деревья и поднимавшие в воздух по несколько тон земли. Автоматные очереди становились все реже. Очевидно, поняв, что в лоб транспортер не взять, боевики готовили один из своих излюбленных трюков.

– Я думал, это шутка такая. Вы совсем ополоумели? – уточнил военный.

Феликс не обратил внимания на реплику, только взвел затвор, зафиксировал на возвышении винтовку и припал глазом к прицелу, чтобы разглядеть дальний край.

– Вы должны нас вывести из-под огня! – более конкретно высказал свое пожелание военный атташе.

– Не должен. Это для меня совершенно некамильфо. У вас есть телохранитель. Он должен...

– Его мало!

– Ну так откормите...

Автоматика прицела зафиксировала какое-то движение на дальней оконечности парка. Со стороны центральной полосы, на которой стояла бронетехника миронавязателей, его легко не заметить. Дюран откалибровал оптику и глянул в прицел еще раз. Боевики явно решили обойти транспортер западнее и ударить сзади, со стороны, где противоракетная оборона слабее всего.

Дюран жестом повелел комиссии покинуть воронку и скрыться за дальними деревьями, окаймлявшими центральную площадь, а сам вырвал несколько пучков высокой травы, что росла в углублении, и обмотал ею ствол автомата.

В азарте боя исламисты не очень уж соблюдали меры маскировки и защиты. Трое выскочили из кустов, находящихся на линии огня между транспортером и Дюраном, и, прокричав бесмелу, кинулись в ближайшую яму. Феликс открыл огонь, самый матерый боевик замер, а потом повалился на спину, из дыр в груди тонкими струйками потекла кровь. Двое других укрылись в том месте, где просел мусор. Один из них прокричал что-то, и в общем гвалте Дюран расслышал, только как шелкнула чека гранаты.

Сама стальная сфера, испещренная насечками для разделения осколков, с лязгом врезалась в крышу автомобиля и отскочила дальше, вылетев за пределы того углубления, в котором сидел агент. В ответ Дюран несколько высунулся из своего укрытия и принялся поливать фундаменталистов беглым огнем.

Патронов оказалось мало – полторы обоймы. Перекатившись на два метра правее, чтобы избежать ответного огня, он сдавил ручку подствольной пилы, которая с завыванием несколько раз прокрутила зазубренную цепь. На случай рукопашной пила могла быть крайне незаменима, она хорошо зарекомендовала себя в курдистанском конфликте и при распаде Бельгии.

Собравшись с силами, Дюран снова высунулся из укрытия. Еще трое боевиков в разноцветных одеждах бежали со стороны кустов прямо на него, размахивая разномастным современным стрелковым оружием. Он дал по ним очередь, вынудив рассеяться, но это не подействовало. Боевики снова поднялись и рванули к нему. Следом из своего укрытия выскочили еще двое.

Дюран отполз ниже по стенке котловины. Там он смог незаметно подняться на ноги и приготовиться к прыжку.

– Нет-нет-нет, это не страх, – прошептал он, подбадривая самого себя. – Когда собака преследует электрокар, разве это можно назвать страхом? Нет, она просто рвется вперед, чтобы поймать свою добычу. Невозможную... безразмерную...

Он отнял от рукоятки ладонь. Та побелела от напряжения и не слушалась. Потребовалось несколько секунд, чтобы унять дрожь в пальцах, и Феликс то сжимал, то разжимал кулак. Агент вновь обхватил эргономичную рукоятку винтовки. Как только крики приблизились, он плавно потянул переключатель пилы и прыжком вынырнул из углубления.

– Аллаху Акбар!!! – крикнул один из боевиков.

– Аргхххх!!! – Дюран метнулся к первому же человеку в рваной серой накидке.

Цепная пила вошла в тело кашмирца с легким сопротивлением, словно протыкая острым ножом еженедельный журнал. Цепь с визгом принялась вращаться вокруг каркаса, разбрызгивая кровь и внутренности в разные стороны. Боевик заорал, попытался схватить рукой цепь и тут же лишился пальцев на руке. После небольшого нажима он перестал дергаться и замертво повалился на землю.

Феликс не успел вырвать винтовку, увязшую в теле боевика, как второй фундаменталист с размаху залепил ему по голове прикладом. Секундная контузия, и он уже лежал на земле вместе с покойником, расплескивавшим кровь вокруг себя.

Исламист уже выхватил серповидный нож, чтобы выпотрошить Дюрана, но не успел даже наклониться. Короткий отрывистый свист – и его тело, обезглавленное импансивной пулей, рухнуло рядом с братом по вере. Следующий боевик повалился в пяти метрах от Дюрана. Это стреляла Ирэн.

Агент поднялся на локтях. Двое нападавших в двадцати метрах вовремя сообразили и спрятались в углублениях парка. Они о чем-то громко и отрывисто переговорили на кашмирском и открыли беспорядочный огонь в направлении Феликса.

Перекатами ему удалось добраться до своей ямы и залечь там, пока беспорядочная пальба не стихла. Затем он глянул через край, но открыть ответный огонь не успел. Поднялся сильный круговой вихрь, а сверху посыпался град пулеметных пуль, которые впивались в парковую землю и поднимали в воздух тонкие грязевые струйки.

Над деревьями завис квадрокоптер UNISS: небольшой десантный модуль размером с автобус, с прикрепленными к нему четырьмя дисками, внутри которых устанавливались вертолетные винты.

Поднявшаяся пыль закрывала обзор, но Дюран все равно разглядел, как с высоты пятиэтажного дома, где завис квадрокоптер, выпрыгнули три человека. Двое приземлились в десяти метрах южнее, один прямо на северный край углубления, в котором он спрятался. Им оказался рослый лысеющий человек с киберпротезом глаза, в композитных доспехах и с трехручной винтовкой «Unita» в руках.

– Стэфан, Хэзер, создайте мне периметр, тесните этих ублюдков к кустам. Настало время поджечь весь мир! – произнес он без капли волнения.

– Молот?

– Дюран?! Не думал, что увижу тебя живым!

Киборг широкими шагами приблизился к агенту и, схватив его за предплечье, поставил на ноги.

– Что стоите? Натиск и зачистка...

Из квадрокоптера выпрыгнули еще трое. У одного из командос блестели установленные на плечах эксплантанты. Он приблизился к командиру, расчехлил наплечники с приваренными к ним десятисантиметровыми разнонаправленными трубками.

– Воспламенение периметра через пять секунд... – предупредил он.

Приняв упор сидя, он отсчитал время, а после этого выстрелил керамическими зарядами с горючей жидкостью вверх и в стороны. Все пространство, покрытое пыльным вихрем, загорелось, оставляя лишь круг безопасности метров тридцати в диаметре, внутри которого поместились бойцы вместе с Дюраном.

– Что с представителем?

– Мы подобрали Нойс у общественного туалета, – прохрипел командир. – Пришли за тобой.

– Я не могу уйти! – прокричал Дюран.

– У ворот сейчас такой бардак творится, если и можно покинуть парк, то либо по воздуху, либо прыгать в озеро. Это я так, чтобы расставить все точки над «i».

Один из десантной группы взял в руки тяжелый пулемет, который простые смертные обыкновенно крепят на автомобиль.

– Огонь на подавление! – скомандовал он. Развернул пулемет в сторону юга и плотным огнем скошил кусты, за которыми прятались боевики.

Ответная стрельба показалась неуверенной и осторожной.

– Я тебя даже спрашивать не буду, – продолжал командир. – Ратников велел доставить тебя живым, чтобы он сам смог тебя прикончить. Крысолов провалился: киберуправление блокирует информацию в сетях, но этот процесс все равно уже не остановить. Уже всем известно, что произошло...

– Мой информатор давно работает с UNISS...

– Твой информатор подставной! Хоть «Vengeance inc.» и числится в наших архивах памяти как доверенный поставщик, такой корпорации нет. Ты знаешь Ратникова и то, на что он способен. Он со своим чудесным умом не смог вспомнить, чтобы эта фирма проходила в докладах. – Командир подал знак, и квадрокоптер начал медленно спускаться вниз. Пилот сбросил десантный трос. – Можно взломать компьютеры, но невозможно взломать память тех, кто не подключен к терминалу.

Командир подхватил одной рукой Дюрана, а другой зацепился за спущенный трос. Через десять секунд они уже находились в салоне и разглядывали пыльный вихрь сверху вниз.

Бойцы спецгруппы Управления ООН по борьбе с терроризмом продолжали теснить фундаменталистов, окопавшихся на юге парка и все-таки взорвавших полицейский транспортер. Пространство вокруг горело пламенем едкого неестественного цвета, и на его фоне все остальное казалось лишь сюрреалистичным миражом.

Квадрокоптер развернулся и, набрав высоту, направился в сторону прибрежной парковки. В этот момент и грянул взрыв. Сперва блеснула только яркая белая вспышка и хлынула ударная волна, разрушив деревянную сторожку на входе в северную часть парка со стороны жилого городского района. Толпы людей, которые скопились на выходе, разметало взрывом так, что части их тел попадали в сотнях метров от эпицентра. Затем черно-оранжевое грибообразное облако поднялось над котловиной. Не успели упасть на землю обломки забора и тела тех, кто его перелезал, как грянул второй взрыв, поменьше. Возможно, припаркованный на входе в парк транспорт или что-то вроде этого.

– Ратников негодует, требует доставить и тебя, и Марию Кроиц, и Крысолова. Где ты их спрятал?! – продолжал командир.

– Он делает свою работу, а я свою...

– Мне этого недостаточно. Дай мне хоть что-нибудь!

– Кроиц погибла, – произнес после короткой паузы Дюран. – Мои люди закопали ее тело во внутреннем дворе старого храма. Ты знаешь, о чем я говорю. Старый храм, который оборонял хашишинат Мургарэ и при штурме которого твой старый учитель сделал себе имя.

Командир расслабленно откинулся на спинку кресла и закрыл живой глаз. Искусственный, желтый, продолжал смотреть на Феликса, вращая по часовой стрелке треугольным зрачком.

– Ладно, я понимаю, – ответил он, снова открыв живой глаз. – Отдел по внутренним расследованиям так просто с тебя не слезет. Я не хочу копаться в этом, если ты меня понимаешь.

– Не надо мне делать одолжений! Крысолов преследует организаторов кашмирской бойни. Из нас троих он сделал больше всех для мира в регионе, а Ратников снова хочет приковать его к письменному столу.

– Это не так...

– Высади меня. – Дюран несколько раз топнул.

Командир распорядился идти на посадку. Когда квадрокоптер спустился на уровень второго этажа, Дюран схватился за ручку и рванул раздвижную дверь. Он спрыгнул прямо на асфальт перекрестка, отделявшего парковый забор от ситуационного штаба UNMAPFOR.

Вокруг сновали военные в голубых касках и местная полиция – люди в красно-серых камуфляжах с легким стрелковым оружием в руках без современных модификаций. Поодаль, в двадцати метрах находился центральный шатер, украшенный несколькими параболическими антеннами и кабелями, постеленными прямо по земле. На входе кроме охранника виднелась миссис Нойс со своим телохранителем и несколько человек из аппарата ООН в дорогих черных костюмах, которых Дюран видел в коридорах женевской штаб-квартиры, но с которыми не был знаком лично.

– Дюран, вы видели взрыв? Что это за детский сад?! – возмутилась Нойс.

– Я именно для этого и приехал в Шринагар. Или вы думали, Ратников послал меня для того, чтобы я совал пальцы во все дыры? Меня не касаются ваши провалы в поисках этнического оружия, я здесь только из-за теракта!

– Разве? – усомнился один из чиновников в костюме. – У нас другая информация. Куда делся Крысолов?

– Мне-то откуда знать? Я сам час как из Канберры!

Дюран прошел сквозь группу прямо ко входу в палатку. Внутри находилось сложное оборудование для радиоперехвата и слежения. Палатка оказалась разделена на два отсека, в каждом из которых сидел человек, следящий за пультом и входящей информацией. Феликс после некоторых колебаний свернул в тот отсек, что справа.

– Дружище, – обратился он к оператору, протягивая свернутый в трубку гибкий компьютер с уже открытыми файлами описания. – Я специальный агент UNISS Феликс Дюран. Найди мне всех людей, подпадающих под этот словесный портрет, использовавших международные рейсы.

– Есть несколько человек, но их алиби не вызывает сомнения. Ничего нету, сэр...

– Упустили!

– Что, простите?

– Заказчика теракта упустили...

ПРОЛОГ

Солнце еще не поднялось над Женевским озером, а на пятнадцатом этаже в малом зале штаб-квартиры ООН уже начались слушания по преодолению кашмирского кризиса. Его открывал заместитель генерального секретаря ООН Эдвард Арчибальд последовательной и своевременной расстановкой приоритетов. К этому его обязывало преждевременное и неуместное награждение нобелевской премией мира как раз по кашмирскому урегулированию.

Казавшийся совершенным план Арчибальда для северной Индии, приведший в прошлом году к резкой эскалации и череде неуправляемых и жестоких актов насилия, захлестнувших провинции Дардистан, Балтистан и Ладакх, уже стал распространенной шуткой в стенах крупнейшей международной организации. Организации, стремительно терявшей и уважение, и авторитет.

Еще большим издевательством над планом послужили заявления нескольких явно рассчитывавших на успех сепаратистских лидеров Евразии и обеих Америк, требующих рассмотреть план Арчибальда, адаптировать и применить его в отношении их ситуации.

Решение послать в регион расширенный контингент сил по навязыванию мира UNMAPFOR не казалось однозначно правильным. Хотя только три из восьми постоянных членов Совета безопасности ООН высказались за необходимость ввода миротворческих войск, никто из оставшейся части не наложил на это решение вето, выразив тем самым молчаливое согласие.

Слушания по преодолению кашмирской трагедии, разразившейся сразу после референдума 2072 года, фактически превращались в смотр кандидатов, желавших предложить свое будущее для новой республики. Поэтому Игорь Ратников, возглавивший несколько лет назад UNISS, Службу ООН по разведке и безопасности, пришел поглядеть, найдет ли кто-нибудь в накопившемся вековом хламе неразрешимых противоречий какое-нибудь рациональное политическое решение.

Внимание заслуживали только инициативы по созданию широкой конфедерации, но и они не являлись гарантией для установления прочного мира. Выдвигали их представители тех стран, которые не играли в кашмирских делах никакой активной роли: Непал, Пуштунистан, Нуристан, Западный Белуджистан, Бангладеш. Особенно ярко и эмоционально выступил представитель от Северной Тамилнадской республики, его поддержали громкими продолжительными аплодисментами. По сути, ничего путевого в его речи, кроме формулы «больше свободы – меньше оружия», не было. Речь выглядела замечательной, звучали понятные конструктивные предложения, но никто не будет рассматривать их серьезно из-за скандальной истории появления этой республики: обширного геноцида, профинансированного наркоторговцами Индокитая.

Поскольку мировой рынок уже триста лет поделен между ведущими экономическими державами, новым государствам оставалось только так или иначе в него вписываться, а стартовых возможностей для этого было все меньше и меньше из года в год. Более того, с каждым новым признанным государством возможности других претендентов сокращались, крупные экономические игроки заставляли новые нации либо содержать на своей территории военные базы, либо продавать навоз и росу по утрам любителям экотуризма, которых и так не очень много.

Международные институты слабели, в них создавались новые квоты, усложнялась иерархия управления, которая уже не могла быстро принимать решения и реагировать на новые угрозы. Вся активность тонула в многочисленных совещаниях, подобных этому, в бесполезных дебатах и пафосных заявлениях о демократии, в которую никто больше не верил.

Когда же численность новых государств перевалила за третью сотню, мало кто мог успешно организовать сопротивление международному криминалу, наркотрафику, торговле людьми, пиратству, геноциду и прочим преступлениям против человечества, характерным не для двадцатого и даже не для девятнадцатого века. Страны-изгои перестали быть изгоями в силу своего численного большинства. В гнойных ранах цивилизации паразитировали религиозные секты, претендовавшие на торговлю всеобщим спасением. Те, кто не нашел своего места в легальном разделении труда, начал заниматься нелегальным промыслом. Лишь отдельные международные институты могли предпринимать какие-то косметические действия. Мир вступал в новую эпоху, закрывая тем самым эру международного сотрудничества и национального процветания.

Ратников не прошел в зал, остался стоять на балконе для прессы, где кроме него мирно спал представитель «Вега-Медиа», одного из крупнейших интерактивных новостных каналов Южной Америки.

Он уже собрался покинуть балкон, как дверь приоткрылась и вошел один из постоянных ооновских экспертов по потенциальным глобальным катастрофам. Он прошел и сел во втором ряду, закинув ногу на ногу, и уперся перекрещенными кистями рук в гнутую трость орехового дерева.

– Что обсуждают? – спросил он Ратникова.

– Не то, что надо. У всех на уме только одно: перекинутся ли беспорядки в западный Китай. В таких ситуациях мы опирались на вашу модель по диверсификации кризиса, пытались экспортировать его в другие регионы, частично вывозить революционный потенциал в соседние страны, в Ирак, в Курдистан, в Африку. Сейчас все вокруг горит, кругом красные зоны, вывозить некуда.

– Китай – одна из последних опор ялтинского миропорядка. Он сильно ослабел из-за конфликта вокруг Тайваня, архипелага Дяоюйдао и гражданской войны в северных провинциях. Удар по Кашмиру – это удар по Тибету и Синьцзяну, а там взрывоопасная ситуация. Западные провинции тянут основное бремя войны.

– Сейчас будет выступать Далай-лама. – Ратников вновь повернулся к президиуму.

– Опять включит свою старую пластинку...

К трибуне поднялся человек, отдаленно напоминавший Далай-ламу XIV. Он был моложе, по-другому двигался, а выражение на лице, не настоящее, пластиковое, отражало все лицемерие, с которым он вертел учением Сиддхартхи Гаутамы. После того как компьютер засвидетельствовал когнитивную сигнатуру Далай-ламы, тот получил возможность обратиться с речью.

Буддизм учит, что каждому человеку отведена определенная судьба, обозначенная кармой от прошлого воплощения, и что после смерти человек в награду получит новое перерождение в соответствии с его прежними заслугами. Так будет продолжаться, пока он не станет человекобогом и не погрузится в нирвану. Но Далай-лама не всегда выступает как хранитель традиции Дхармачакры, кроме всего прочего, он – политик.

Как политик Далай-лама функционирует на основаниях «правительств в изгнании» и продолжает считаться лидером Тибета, занятого Китаем в 1950 году. Далай-ламы были теократическими правителями Тибета, руководя страной из тибетской столицы Лхасы. В связи с этим и теперь Далай-лама рассматривался как духовный и политический лидер тибетского народа. Китайцы свели на нет эту практику.

Фигура Далай-ламы была переходной, так как ламы смертны. По представлениям тибетского буддизма, Далай-лама является перевоплощением Авалокитешвары – бодхисаттвы сострадания. Когда умирает один Далай-лама, воплощением бодхисаттвы становится новое физическое лицо. Только один человек может правильно распознать перевоплощение Авалокитешвары – фигура Панчен-ламы. Китаю улыбнулась удача: по поводу одиннадцатого Пан-

чен-ламы возникла конфликтная ситуация. Правительство Китая присвоило этот статус Гьялцэну Норбу, в то время как Тибетское правительство в изгнании и Далай-лама XIV признавали только Гедуна Чокья Ньима, который пропал в 1995 году.

Годы шли, Гедун Чокья Ньим так и не объявился.

Гьялцэн Норб, как выяснилось, имел партийный билет компартии, в случае смерти действующего Далай-ламы Тэнзина Гьямцо он должен был признать воплощением бодхисаттвы того, кто нужен официально Пекину. Было выпущено постановление, что реинкарнации бодхисаттв без санкции компартии запрещены. Это должно было поставить крест на институте Далай-лам как на поборниках независимости Тибета.

В этой ситуации Далай-лама нашел черный ход в политическом противостоянии – не умирать. Он объявил о своем интересе киберизировать свое тело так, чтобы это не было признано реинкарнацией и не требовало сертификации у Панчен-ламы. Киберизация – это прерывание колеса Сансары. Если ты записан на жесткий диск, ты уже не можешь перерождаться. Это кибер-нирвана.

Технологии для этого до двадцатых годов XXI века не имелось. Несколько корпораций в тридцатые годы фактически учредили проект по организации Далай-ламе цифрового бессмертия. Они изготовили тело. Приходилось внедрять и патентовать ноу-хау прямо в процессе сборки. Сознание было трансфертировано на нейросетку, Далай-лама продолжил жизнь как постчеловек, записанный на синтетические носители разум живого существа. Это настолько вдохновило человечество, что уже к сороковым сложилась новая социальная реальность: началась биотехнологическая революция людей.

– Господа, – прозвучал металлический голос Далай-ламы, – прошло четыреста восемьдесят восемь лет со дня вторжения могольского императора Акбара до событий семьдесят второго, когда Кашмир провозгласил свою независимость, подтвержденную референдумом и прямой волей народа Кашмира с оружием в руках защищать свою свободу и определять будущее цветущей долины. Но пример Кашмира нравоучителен для всех народов, желающих управлять своей землей и своим небом. Свобода Кашмира – это свобода Ладакха. Она вселяет в наши сердца надежду на справедливый мир. Ладакх иногда называют «Малым Тибетом» из-за единой исторической судьбы, связавшей наши страны: Кашмир и Тибет. Здесь когда-то проходил Великий шелковый путь, а буддийские монастыри, расположенные на пути из Индии в Тибет, стали сосредоточением мудрости и знания, доступного смертным...

Звук речи, искаженный старым синтезатором или войс-транслейтером, напоминал голос старика, чем вызывал некоторую настороженность и уважение младших. Видимо, накануне последних событий имиджмейкеры хорошо поработали.

Ратников отошел от края балкона и сел рядом со своим собеседником.

– Они готовят операцию в Тибете, – тихо произнес последний. – Хотят, чтобы миссия ООН в Кашмире распространилась на весь регион. Далай-лама разыгрывает старую карту, преследуя свои узкоплеменные интересы. Последствия для глобального мира его не интересуют.

Ратников кивнул в знак согласия.

– Они ищут для этого подходящий повод, – уточнил глава UNISS. – Я буквально полчаса назад общался с аналитиками. Есть версия, что его люди сейчас пытаются обеспечить международную поддержку их инициативам в Тибете и для этого ищут веские аргументы. Пока нет корректного повода, все мероприятия сведутся к войне санкций. Час назад в шестом комитете Совбеза не могли прийти к согласию по пакету торговых санкций для республики. Но, так или иначе, повод появится.

– Оружие?

– Оружия недостаточно. Многие кашмирские группировки после ввода миронавязателей перешли границу с Аксай-Чином и ушли в Тибет. У них полно оружия. Боюсь, ставки намного выше, чем кажется мне и вам здесь, сейчас...

Далай-лама произнес что-то вдохновляющее. Малый зал сотрясли аплодисменты. От этих звуков проснулся журналист. Некоторое время он не мог понять, что происходит, потом посмотрел на часы и спешно покинул балкон.

Далай-лама жестами успокоил зал:

– И сейчас я говорю: нельзя дать забыть опыт борьбы кашмирского народа за свою свободу. Мы должны пойти дальше и заявить, что не только Кашмир, но и Тибет является достоянием мира! Сто двадцать три года народ Тибета находится во власти коммунистической морали и сейчас оказался под гнетом разлагающего действия реформ Председателя Ли Сяочуаня. Это урон не только для свободолюбивого тибетского народа, но и для всего мира...

Старик улыбнулся и поднялся со своего кресла. Помассировав затекшее левое колено, направился к выходу с балкона.

– Уже уходите? – уточнил Ратников.

– Мир существует, пока есть люди, которые его строят. Вишну. Равновесие тоже нуждается в поддержке. Это хорошо знают те, кто в детстве катался на скейтборде. – Эксперт постучал тростью по голени. – Новые поколения ничего не строят, они крадут. Они крадут у природы ее тайны, крадут у Бога его права, крадут у людей их человечность. Сколько мы еще так протянем?

Ратников несколько секунд пристально смотрел на старика.

– Это что? Очередные разговоры в духе Нью-Эйджа? Все эти эры водолеев, эпохи свинопасов?

– И без нудных манифестаций понятно, что тут нет никакой политики. Даже при внедрении самых совершенных технологий рационального использования и переработки мы фактически съели нашу планету. И теперь каждый хочет быть тем, кто доживет до самого конца. Сомнительная цель за неимением других.

– Говорят, что в случае исчерпания всех возможных невозобновляемых ресурсов биологический вид численно сокращается до количества, поддерживаемого возобновляемыми ресурсами.

– Нашу воду нельзя пить, – развел руками старик. – О каких возобновляемых ресурсах идет речь?

Они вышли с балкона и по дугообразному коридору направились к лифтам. В столь ранний час полные людей проходы были пустынно и скучны. Эхо шагов отражалось от дальних стен.

Когда они приблизились к панорамному окну в открытом конференц-зале, открывавшему вид на Женевское озеро, первые лучи света окрасили оранжевым небосвод. Вставало солнце. Легкая рябь водной поверхности отражала одинокие перистые облака, легкие царапины неба. И ситуация уже не выглядела столь драматичной.

Люди часто путают личный апокалипсис с глобальным, подумал было Ратников. Ему будущее не казалось печальным. Иногда вблизи фазового перехода возникает ощущение, что все рушится, но новая энергетика творчества всегда находит формы и цвета для нового дизайна. Человечество ждало ребрендинга. Сперва надо выгрести мусор, скопившийся с начала двадцатого века. Более полутора веков концептуального, идеологического и философского мусора.

И да, люди всегда боятся будущего. Оно пугает их и на бытовом уровне, когда мать не знает, чем кормить детей и в какой детский садик вести, и на концептуальном, когда взрослые на вид люди впадают в панику от мысли, будто им будут принудительно накалывать на лоб штрих-код, вживлять чипы и подсоединять ректально трубки для ручного контроля сознания, как в традиционных киберпанках.

Собеседник Ратникова достал из кармана небольшой узелок, размером с теннисный мячик, что за считанные секунды принял форму классической шляпы, надел ее и, молча отса-

лютовав, направился к лифту. А Ратников так и остался стоять перед окном, любясь поднимающимся солнцем, надвинув на радужку глаз затемняющие фильтры – своего рода искусственный аналог третьего века. От этого его глаза казались черными и неживыми. Он стоял так несколько минут, пока солнце полностью не взошло. Потом позвонил Арчибальд. Его проекция появилась за спиной Ратникова, но, даже не видя его, глава UNISS ощущал присутствие абонента.

– Игорь, приходят сообщения о том, что полевой лагерь UNMAPFOR только что обстреляли со стороны китайской границы. Нам необходимо дать широкое освещение происходящих там событий и в том числе наказать виновных в кашмирской трагедии.

– Выходит, Далай-лама крепко вас там всех взял за задницу...

– Не зарывайся, – прервал его заместитель генерального секретаря. – Генсек поставил задачу арестовать и предать Международному трибуналу всех участников авантюры. Китайцы уже заявили о своем желании выполнить работу, возложенную на ООН. Это ослабит наши позиции и даст повод Пекину сократить свои расходы на содержание организации, который они ищут с начала конфликта за Дяюйдао. Китай ведет войну на два с половиной фронта. Ему и без нас есть на что тратить деньги.

Фильтры на глазах Ратникова скользнули в стороны, открывая зеленую радужку глаз. Он повернулся лицом к некачественной проекции нейролинка, единственному, на что можно было рассчитывать, пользуясь изношенными европейскими телекоммуникационными линиями. Сверхкомпьютера Мультидомена, как в Антарктиде, со всеми его сверхпроводящими каналами связи тут не было, да и небогатые европейские страны с трудом могли себе позволить обновить подчас совершенно архаичные информационные коммуникации, доставшиеся от сотовой связи.

Неторопливо он достал из внутреннего кармана пиджака сигарету с коноплей и закурил. Сероватый дымок медленно поднимался в лучах солнца, изображая занимательные колечки и петли.

– Главный подозреваемый прыгает из одной красной зоны в другую. Позавчера его видели в Шринагаре, сегодня он уже в Мадейра-Гуапоре, в центре бразильского гражданского конфликта. Завтра запросто может метнуться куда-нибудь в Калифорнийскую республику. Но мы напали на след его связного. Александр Воронов, тридцать пять лет, контрабандист-рецидивист. Во время кашмирского инцидента вместе с группой черных трансплантологов из правления биомедицинской корпорации «Herbatroniks» организовал опыты на жертвах конфликта, продавал органы в страны желтой зоны...

Проекция Арчибальда не демонстрировала видимого отвращения. На своей работе он и не такое видел.

– И где вы его нашли?

– Вместе с рабыней пересек Индийский и Южный океаны, пытался нелегально въехать на Антарктический континент.

– Ну и что же? – продолжал задавать вопросы заместитель генсека. – Что предпринимается?

– Наш человек из Канберры послал своего коллегу в Фильхнербург.

– Надеюсь, самого лучшего?

– Нет, не самого... но он умеет вынюхивать зло, где бы оно ни спряталось и какую бы форму ни приняло...

В небе черной птицей рассекал желтеющий небосвод взлетающий суборбитальный пассажирский авиалайнер. Он летел на восток, в сторону солнца. Ратников снова задернул солнцезащитные задвижки на глазах. Арчибальд не отключал связь. Он стоял рядом и также смотрел за горизонт. А потом произнес ни с того ни с сего хайку собственного сочинения:

Зло процветало всегда

*В пустотах нашей морали,
Но выбор ты знаешь...*

ГЛАВА II. Continentopolis

Фонтан мутной от ледяного крошева океанической воды расплескался по побережью, из-под воды стремительно вынырнул скоростной поезд серии «Тан Лан». Он пронесся по монорельсу, идущему из океанических глубин Южного океана в сторону Даймон-Дюрвиля по направлению к равнине Райт.

Если не считать пассажирскую платформу для поездов из Австралии, видневшиеся вдалеке купола Астрономической академии, скоростную циркумполярную прибрежную автомагистраль со всеми ее развязками, рекламными баннерами, мотелями и призрачный, сливавшийся с горами силуэт города, над которым поднимались в небо многочисленные спирали и небоскребы, это был унылый антарктический пейзаж.

Поезд шел на высокой скорости, поэтому в небольшом окне, частично покрытом обледенением, сложно оказалось что-то разглядеть. Находясь в вагоне класса «додзе», в двухместном купе, сидя в позе лотоса на мягких татами, Мухаррам совершенно не ощущал летний холод южного континента.

Стоял полдень – месяц июль. Самое удачное время для коммерческих инициатив в Антарктиде. В этот сезон начинается вся административная, экономическая и социальная активность. Она спадет ближе к вечеру – в сентябре – в связи с похолоданием. Многие поедут на север, в тропические районы, чтобы насладиться бархатным сезоном в туристических зонах. К декабрю они вернутся, чтобы вращать жернова малого экономического цикла, который продлится всю календарную зиму и будет связан с нерискованными инвестициями и развитием сферы услуг.

Как только экспресс миновал Землю Адели и въехал на территорию доминиона Виктории, а в окне показался хребет Трансантарктических гор, нейролинк подал сигнал о том, что появилась возможность подключиться к беспроводной локальной сети.

Мухаррам не стал торопиться. Беспроводные сети социального назначения не отличались ни высокой скоростью, ни широкими функциональными возможностями, а кроме всего прочего, в них не действовали протоколы Глобальной противовирусной обороны, и пользоваться ими можно было только при принятии на себя всей полноты ответственности. Близость Южного магнитного полюса неподалеку от Даймон-Дюрвиля также неблагоприятным образом сказывалась на качестве связи.

Лишь когда монорельс вильнул вправо и вышел на возвышенность близ гор Принс-Альберт, Мухаррам сделал попытку подключения. В углу поля его зрения мигал сигнал доступной сети, слишком четкий для бокового взгляда. Как только он коснулся пальцами того, что существовало только в его мозгу, перед ним появилась виртуальная трехмерная консоль в виде широкой спирали с расположенными на ее витках функциями и сервисами. Мухаррам дотянулся до нее и, прокрутив вправо, попытался отключить обязательную для приезжих ознакомительную презентацию.

Спираль значительно уменьшилась и сместилась влево, в угол зрения, а перед ним появился трехмерный виртуальный образ девушки-робота и еще несколько проекционных экранов и демонстрационных панно, органично вписавшихся в интерьер купе. Только легкое свечение выдавало то, что эти объекты находились лишь у него в сознании.

– Ваш профиль активирован, – произнесла проекция, – Шухрат Мухаррам, возраст 27 лет, пол – мужской, национальность – русский, уникод 398—667—023—941, место рождения – Архангельск, Евразийский союз, политические взгляды – умеренный гуманизм, религиозные взгляды – не указано... Добро пожаловать в региональную сеть свободного города Шеклтон. Услуги связи предоставлены вам в рамках благотворительной программы «Стук в дверь»

корпорацией «Multidomen platformship» до тех пор, пока вы не предоставите свои полные данные социальному коменданту в пункте прибытия.

– Пропустить, – отрешенно произнес пассажир.

Напротив него прямо в воздухе появились многочисленные трехмерные светящиеся изображения континента и расположенных на нем хозяйственных, транспортных и жилых объектов инфраструктуры. Прикасаясь к ним, можно было манипулировать проекцией, вращать, увеличивать, разбирать на части, а сеть вживленных в ладони сенситивных волокон передавала на центральную нервную систему ощущения предметности и реальности изображения. На ощупь проекции казались мягкими и тягучими, словно нагретая резина.

Конечно, технологии позволяли управлять виртуальными предметами и силой мысли, как и собственными органами. Проблема заключалась в том, что разные люди относились к своим органам по-разному; даже возможность подключения виртуальных частей «себя» не многим казалась дружественным биотехническим решением, и для более настороженных пользователей реализовывалось разграничение. Оно выражалось в существовании виртуальных объектов на правах реальных предметов, а не частей тела. Управление осуществлялось руками, но мысленный контроль оставался опционально возможен.

– Антарктида является шестым континентом планеты Земля, – продолжала гиноид, – площадь континента составляет около четырнадцати миллионов ста семи...

– Пропустить...

– В то время как Договор об Антарктике 1959 года ограничивал участие государств в освоении природных богатств и использовании территории для военных и хозяйственных нужд, он открывал большие экономические возможности для корпоративных и частных инициатив, чье участие до недавнего времени казалось нерентабельным и невозможным, а потому было немислимым для составителей документа. Важной вехой в освоении Антарктики стала прокладка в 2038 году трансконтинентальной монорельсовой дороги из Канберры через...

– Пропустить...

– Несмотря на то, что проект оказался убыточным, он позволил реализовать принципиально новые и прогрессивные технологии управления транспортом, а также привел к буму корпоративного освоения Антарктиды...

– Мне это не интересно, – прервал Мухаррам экскурсионную программу.

– На территории Антарктиды не существует государства в том смысле, в каком его описывает устав ООН. На территории континента нет единой нации-государства, всенародно избираемого демократичного правительства и органов законодательной власти. Верховное управление территорией осуществляет Антарктический консорциум, возглавляемый управляющей корпорацией, выигрывающей контракт на управление в тендере сроком на 5 лет.

– Выключить! Пропустить! – наперебой высказал пожелания Мухаррам, но программа продолжала зачитывать обязательный блок.

– В настоящее время контракт исполняет компания ООО «ЛК-Революционные решения». Участники Консорциума оказывают широкий спектр потребительских, промышленных, научно-исследовательских, образовательных, медицинских услуг, а также осуществляют охрану порядка и терроформирование. Также есть автономные корпорации, осуществляющие исследования и строительство ряда геоинженерных сооружений, функционирующие по особым предписаниям и разрешениям, но не подчиняющиеся напрямую ООО «ЛК-Революционные решения». Поскольку на территории Антарктиды нет национального правительства, нет и обязательных для всех законов. Вместо этого действует система корпоративных правил и предписаний, обязательных для исполнения. Чтобы ознакомиться с последними изменениями в Правилах, пожалуйста, обновите свою информационную базу во внешней памяти.

Появилась административная карта. Континент по всем показателям делился на восточную и западную части. Восточная Антарктида – территории в виде полукруга от Протекто-

рата Королевы Мод до Протектората Уилкса, включающие плато Советское и одноименный муниципалитет. В геологическом смысле то была достаточно ровная возвышенность, сходящая к относительно ровному побережью. Самые большие города здесь составляли максимум десять тысяч человек, зато на ней располагалось большое количество заводов тяжелой, легкой и пищевой промышленности, а также научных и образовательных центров, сконцентрированных в основном на побережье.

Западная Антарктида представляла собой геологически сложное образование, тянувшееся от шельфового ледника Росса до Антарктического полуострова, врезающегося кривым ножом в Южный океан и тянувшегося в сторону Южной Америки, а также расположенного восточнее ледника Фильхнера. Здесь располагался огромный даже по европейским меркам континентополис, состоящий из городов-кластеров, связанных паутиной высокоскоростных шоссе и железнодородных магистралей. Центр этого мегагорода находился у основания «ножа» – в провинции Эльсуорта – и частично выходил на плато Холлик-Кеньон. Отдельные метастазы города выносились далеко за пределы этой территории в сторону провинции Мэри Бэрд и плато Рокфеллер. Собственно, это и был центр корпоративной и общественной жизни Антарктиды.

Мухаррам выпрямил ноги и вытянулся на татами вдоль купе, едва не задев головой декоративный бонсай, стоявший на небольшом обеденном столике прямо под окном. От толчка закачалась и узкая высокая миска с клюквой в сахаре, стоящая на столике рядом.

Смотреть на белую пелену ему не хотелось, поэтому он поправил деревце, не поворачиваясь к нему лицом, а другой рукой открыл виртуальный дневник, в который записывал последнее время не те дела, что должен сделать, а те, что не хотел бы забыть совершить напоследок. Список оказался внушительным: так всегда бывает, когда неожиданно узнаешь, что у тебя не так много времени привести дела в порядок.

Седьмым пунктом числились три буквы – Ф. А. Р. Несколько минут он пытался найти аргументы отложить звонок, а потом решил, что если и можно тратить время на разговоры с женой, то оно непременно должно быть нерабочим. В сервисах спирали Мухаррам нашел адресную книгу регистраций и с удивлением обнаружил, что Фелиция Анна Ратио изменила своим привычкам и не переехала на новое место жительства, хотя прошло уже почти полтора года.

Несколько секунд после вызова ничего не происходило. Возможно, это было связано с ненадежностью бесплатных локальных сетей. Потом связь восстановилась, и нейролинк, затемнив помещение купе, спроецировал в визуальном увеличенном на пять метров во все стороны пространстве проекцию женщины лет двадцати пяти за письменным столом. Крышка стола – проектный бокс – хранила причудливые геометрические конструкции, служившие прообразом будущего произведения искусства.

Фелиция была видна лежавшему Шухрату лишь отчасти. Оставив свое проектирование, она взялась за дальний край стола и потянулась, привстав со стула, чтобы разглядеть абонента. Увидав распластанного на полу мужа, покачала головой:

– Каждый раз, как мы с тобой общаемся, ты падаешь все ниже и ниже, – рассмеялась она. – Вернулся из своих индокитаев?

– Это был Кашмир. Намного северо-западнее.

– В новостях постоянно об этом говорят. То что-то взорвалось, то взяли заложников. Сплошной кошмар, а не Кашмир. Редактора буквы перепутали! Я звонила маме в Милан, та вся в слезах. Ребенка показали без руки, собаку мертвую со щенятами, и у нее глаза третий день на мокром месте. Какой-то ужас творится.

– Мне можешь не рассказывать, – задумчиво пробормотал Мухаррам. – Я же там был...

– И чем все закончится?

– Бесконечным бардаком, как и во всех этих «новых демократиях». Сперва сепаратисты убивают правительственные войска и требуют независимости, в регион вводят миротворческий контингент, он принуждает правительство согласиться на референдум, боевики, которые ничего не умеют, кроме войны, начинают делить власть и отстреливать друг друга и миротворцев. Сейчас мое начальство объявило там режим КТО...

– КТО?

– Режим контртеррористической операции – КТО. Хотя КТО там виноват, и так всем известно. Надо объявлять режим ГДЕ, а на это мозгов у миропринудителей не хватает. Не хочу обсуждать. Расскажи лучше, что ты делаешь?

Фелиция встала из-за стола, приложила ладони к проекционному боксу, а потом подняла их и потрясла в воздухе. Над столом появилась картинка, равная площади крышки стола. На ней виднелись трехмерные структуры, в которых угадывались причудливые готические узоры XIV века в современной аранжировке.

– В Брисбене через два месяца состоится встреча Клуба Тринадцати. Ну знаешь, сходка этих самых богатых людей мира. Они обсуждают, куда дальше двигаться мировой экономике, а под конец собрания публично уничтожают что-нибудь самое ценное, что есть в мире. В прошлый раз они в Фессалониках сожгли полсотни полотен русских и европейских художников. В основном классику – импрессионистов. В этот раз будут уничтожать чистую воду. Выливать в океан. Хотят, чтобы заседание их клуба украшали монументальные композиции из гранита, чья поверхность переливалась бы волнами, как поверхность воды. Я уже придумала, как создать динамичную поверхность камня. Сейчас сижу и никак не могу создать такую память вещества, чтобы после колебаний структура снова приходила к гомеостатическому состоянию. Уже пятый день моделирую, структура растекается и не держит форму.

– У тебя все получится, я уверен...

– Да я знаю, что получится. Только это все сложно дается.

Мухаррам поднялся с пола и сделал несколько шагов в сторону Фелиции. В углу зрения запульсировал круг с вписанным в него треугольником и восклицательным знаком: близость материального препятствия. Он остановился и засунул руки в карманы, разглядывая проекцию скульптуры Ратио.

– Нам надо наконец увидаться, – произнес он. – Я приезжаю в Антарктику уже третий раз, а мы все никак не встретимся вживую. Статистически для брака это не очень нормально.

– Технически мы не женаты, – ответила Фелиция. – Мы находимся в соглашении о гражданском партнерстве. Так что мы правил Антарктики не нарушаем. Но я давно тебе предлагала встретиться. Ты вечно занятой, катаешься по красным зонам, вечно кого-то спасаешь. Это только кажется, что мы сделали технологический шаг вперед, можем за три часа долететь до любой точки мира, можем войти в тур-капсулу и загрузиться в тело аватара на другом краю света. А на самом деле мы живем в трех кварталах друг от друга и не можем посидеть в кафе.

– В этот раз мы все исправим, я уверен.

– Сколько мы женаты? – переспросила Фелиция. – Лет шесть?

– Около того.

– В любом случае, не переживай по этому поводу. Я ведь уже была замужем, и свобода для меня также очень важна.

– Ты постоянно уклоняешься от ответа, когда я тебя спрашиваю о первом муже.

– У меня от тебя нет никаких секретов. Просто хорошо подумай, хочешь ли ты знать о чем-то. А то вдруг выяснится, что я его убила и во льду закопала, что ты тогда будешь делать? – Она повеселела и игриво крутанула проекцию скульптуры так, что та обратилась в юлу.

Рядом с Фелицией появилось изображение проводницы. Она улыбнулась Мухарраму и сообщила о том, что поезд прибывает на станцию Шеклтон. Это небольшой городок астро-

физиков преимущественно ближневосточного происхождения, работающих по лицензии корпорации «Шанмасаа». Это не его остановка, но выйти подышать свежим воздухом южного континента он планировал с того момента, как поезд поднялся со дна Австрало-Антарктической котловины и вынырнул на берег.

– Я хотела бы поделиться с тобой одной мыслью. Мой друг Чэнь Фукан, о котором я тебе рассказывала, создает небольшую фирму, – затараторила Фелиция, словно что-то почувствовав. – У меня есть замечательная бизнес-идея. Ты знал, что почти девяносто процентов «отменщиков» кончают с собой до стасорокалетия? Мы считали, что, если отменить смерть, человек будет жить и развивать в себе новые таланты. На самом деле он устает и жить ему становится неинтересно. Он уже все видел и все прочувствовал. Причем неважно, заменил «отменщик» свое тело на искусственное или медикаментозно отменил старение. Результат одинаков. Я думаю, если купировать эмоциональный опыт, интерес к жизни снова появится. Это как снова прочесть книгу, которая тебе понравилась, если ты стер у себя эмоциональные воспоминания о первом прочтении. Чэнь сейчас пробивает лицензию в Вернадске. Будем разрабатывать эмоциональный нейропатч. Я хотела бы выслушать твое мнение.

– Подумаем. Не знаю. Если у кого-то в жизни один сплошной балаган, тот не устает жить. Скучно тем, у кого ничего не происходит, те и к сорока готовы себе мозги вытрясти. Я позвоню, когда прибуду в Фильхнербург, – ответил Мухаррам.

– Целую...

Переговорная проекция растворилась, и Мухаррам вернулся в свое тесное выполненное в японском традиционном стиле купе. Он сел на татами и уперся руками в бедра, пытаясь сконцентрироваться. До прибытия в Шеклтон оставалось двадцать минут. Он поднял глаза к потолку. На дорожной полке лежал рюкзак. В одном отделении арктическая куртка, в другом – рубашки, носки, сухой паек, документы, подарочная фляжка с логотипом ООН и разобранная трехсекционная поперечная флейта системы Бема с закрытыми клапанами не в линию из композитных полимеров.

Мухаррам достал инструмент, неторопливо собрал его воедино, подобрал в легкие побольше воздуха и приложил к губам головку «Faulisi», изготовленную отдельно от флейты. Из инструмента потекли звуки открывающей темы «L'apocalypse Des Animaux» Вангелиса в измененной версии, специально для духовых инструментов. Каждый раз, когда он играл, он чувствовал связь с теми людьми, с которыми ее, казалось, утрачивал. И прежде всего, с отцом.

Он проехал Шеклтон, не выходя во время остановки на перрон. Просто заказал нихонсю, вареную кукурузу и некоторые природные стимуляторы, чтобы не погружаться в депрессию по прибытии в Белый город. Потом он уснул. Возможно, из-за музыкальных упражнений или от навязчивых мыслей, которые стали доносить его после Кашмира, – но во сне ему снова явилась Мария. Ее холодный покойный образ не соответствовал тем живым глазам, что он помнил.

Центральной монорельсовой станцией Фильхнербурга являлся вокзал имени Синъитиро Накамуры. Многие объекты в Антарктике имели японское происхождение. Социальный японский кризис, вызванный резко стареющим населением и политическим отказом от массового привлечения иммигрантов иного культурного происхождения, привел к тому, что резервы потенциальных реэмигрантов японского происхождения на Гавайях, в Корее, США, Китае и островах Океании к сороковым годам закончились. Промышленность нуждалась в новых рабочих руках, которые не могли обеспечить демографические условия Японии. Многие корпорации рассмотрели альтернативы такого развития событий и с самого начала XXI века стали постепенно менять место дислокации, вывозя активы в США, Австралию, Азию и Россию. Открытие для экономического сообщества Антарктиды дало беспрецедентные возможности развития, это отразилось и в наименованиях территорий и инфраструктурных объектов.

На платформе оказалось не столь холодно, но зато значительно многолюднее, чем обычно. Вокзал проектировали так, чтобы избежать транспортного коллапса, и сейчас стало очевидно, что проектировщики рассчитали все правильно. Любой одноуровневый вокзал в старых столицах XX века был бы парализован наплывом такого количества встречающих, отбывающих, прибывающих и разного рода беженцев с южноамериканского континента.

Антарктический консорциум принимал беженцев из красных зон, если ООН находило возможности за это платить. Размещали их обычно в восточной Антарктике в городах-поселениях, где требовались низкоквалифицированные работники, способные трудиться за сборочным столом в тех фирмах, которые не могли приобрести лицензии на наноассемблерную сборку и платить за безопасность этих процессов. На дальних путях как раз стояли поезда из Бразилии, откуда миллионами эвакуировали людей. Последствия гражданской войны. Доступ к их платформам был перекрыт транспортным маршрутизатором, так что оставалось только смотреть через стеклянный полупрозрачный забор на их изможденные лица и сухие, потрескавшиеся от ветра руки.

Около трети людей носили маски. Раньше климат на континенте был значительно суровее, и людям приходилось закрывать лицо от ледяного ветра и снега, но теперь, когда повсеместно внедрялись системы геотермального контроля климата, особая нужда в масках отпала. Часть людей продолжала их покупать и носить для удовольствия или из субкультурных соображений.

Личность человека в условиях тотального контроля информации остается единственной подлинной свободой. Попадая в поле зрения видеокамер тысячи раз в день, человек утрачивает и ее. Сохранение тайны личности органично ведет к сохранению своих биометрических данных от средств электронного распознавания и контроля, сокращая оперативные возможности и повышая шанс быть неузнанной переменной в толпе.

Шухрат Мухаррам отошел в сторону, протиснулся между ларьками. В одном из них продавали миниатюрные спирали, и проекционная вывеска сообщала, что они «заряжены от больших спиралей» специально для туристов и отбывающих. Другой оказался автоматическим – в нем продавалась электроника, а бегущая новостная строка сообщала о том, что на границе между Мексикой и Калифорнийской республикой снова возобновились провокации.

Мухаррам вывернул наизнанку свою зеленую куртку-перевертыш, так что та стала оранжевой – цвет одежды большинства местного населения. Чтобы не привлекать внимания, он дождался проходящей мимо ларьков большой группы штрейкбрехеров и пристроился к ним.

На подходах к терминалам он отделился от процессии и направился к дальним пропускным пунктам, расположенным слева, где кучковалось меньше народу. Столпотворение не давало возможности оглядеться и тем более не способствовало маневрам, если что-то пойдет не так.

На терминале, проверив документы и завизировав прибытие, его направили в бокс 7А для получения багажа. Когда Шухрат вошел в помещение, следом через уже закрывающиеся створчатые двери протиснулись еще два человека. Ощущая преследование, Мухаррам медленно вынул из внутреннего кармана авторучку. Из всего, что можно было бы использовать как оружие, ему сейчас оказалось доступно только это.

– Успокойтесь! – произнес настойчивый, но внутренне неуверенный женский голос. – Мы здесь не для того, чтобы выяснять правду в кулачном бою.

Мухаррам развернулся. Перед ним стояли женщина и мужчина в форме «А-Security», местной корпоративной полиции. Он не почувствовал в них зла, хотя те и пытались выглядеть нарочито недружественно. Женщина была довольно посредственной, в которой и добрые и злые мотивы сочетались на уровне статистического большинства. Во всяком случае, об этом говорил ее образ: манера держаться, взгляд, настрой. Мужчина показался Шухрату светлым человеком, не ориентированным на подлость. Но все эти ощущения были субъективны.

Мужчина что-то держал в руках. Вернее, он что-то скрывал в прижатой к бедру ладони, хотя неопытным взглядом заметить это вряд ли удалось бы. Женщина слегка приподняла руки, показывая, что не имеет оружия, что, впрочем, не успокоило псевдотуриста. Шухрат незаметно спрятал авторучку в манжете, а потом и вовсе убрал руку в карман, где освободил свое импровизированное оружие от колпачка.

– Шухрат Мухаррам, вы должны немедленно покинуть Антарктиду. Наша страна не входит в компетенцию ООН, и ваши полномочия тут не действительны...

– Мы знакомы? – перебил Мухаррам.

Мужчина щелкнул пальцами. Справа от него появилась проекция поддельных проездных документов, которыми пользовался Шухрат, увеличенных в десять раз. Вокруг заполнения основных граф появились предательские пометки о внесенных правках.

– Маркус Алиенде... Очень смешно! – произнес он.

Стукнув указательным пальцем по проекции, он изменил ее. Теперь на документах появились подлинные данные Мухаррама. Во всяком случае те, что были в общественном доступе в глобальных компьютерных сетях. Так называемый социальный профиль. Ничего секретного относительно его работы там не хранилось, но кто обучен распознавать ложь, тот все правильно поймет. Стандартная легенда.

В углу зрения Мухаррама висел ненавязчивый блок с социальными функциями. Он спокойно левой рукой коснулся окна службы социального профиля. Над девушкой загорелся ярлычок «Ариадна Димитриадис, возраст – 29 лет, пол – женский, национальность – не указана, уникод 774—937—520—002, место рождения – Фильхнербург, Антарктида, политические взгляды – индифферентные, религиозные взгляды – умеренное язычество, сексуальная ориентация – би, семейное положение – не замужем, дети – участие в проекте In Virtum...», над парнем тоже появился ярлычок, но он Шухрата интересовал меньше.

– Почему все местные такие нахальные? – пробормотал Мухаррам. – Не только у вас тут, в глыбе льда, везде местные такие. Сплошной снобизм и ханжество.

– Пожалуйста, покиньте континент ближайшим рейсом! Антарктика вне вашей юрисдикции! – повторила Ариадна, но на этот раз в ее голосе не было прежней настойчивости.

– Я тут нахожусь по мандату ООН...

– На территориях южнее шестидесятого градуса ни одно государство и ни одна международная организация не имеет никаких прав. ООН – это организация, учрежденная национальными государствами, по Договору об Антарктике 1959 года она не имеет права исполнять здесь свои функции. Все есть в преамбуле.

– Я преследую группу лиц, подозреваемых в международной террористической деятельности, вам придется смириться. Террористическая деятельность подозреваемых имеет признаки международной, а территория Антарктиды управляется международными законами на основании конвенций. Статья первая Договора. «Антарктика используется только в мирных целях». Я обеспечиваю этот мир...

– Наши законы они не нарушали, – парировала Ариадна.

– Зато наши нарушали. И у меня есть постановление на арест подозреваемых вне зависимости от ваших с ними отношений. – Мухаррам поднял руку, на его ладони появился защищенный цифровой подписью документ.

Девушка хотела что-то возразить, но ее спутник жестом остановил ее. Повисла непродолжительная пауза.

Мухаррам жестом увеличил ярлычок социального профиля второго сотрудника «A-Security», но и без дополнительной информации о нем можно много что сказать по одному только внешнему виду. Немного смугловатая кожа говорила как о смешанном расовом происхождении, так и о неудачных кибернетических расширениях. Ростом он был выше Ариадны и держался увереннее, но также показывал и то, что он ее подчиненный и его это не сму-

щает. «Джамал Карлос Мартинес, возраст – 25 лет, пол – мужской, национальность – не указана, уникод 683—555—558—291, место рождения – Фильхнербург, Антарктида, политические взгляды – умеренный гуманизм, религиозные взгляды – индифферентные, сексуальная ориентация – гетеро, семейное положение – женат, дети – нет...»

Ислам последние тридцать лет получил широкое распространение в Латинской Америке, это даже стало причиной для серии этноконфессиональных конфликтов на континенте. Однако до этого дня Мухарраму не доводилось видеть своими глазами латиноамериканца-мусульманина новой генерации. Скорее всего, Джамал был потомком беженцев из Южной Америки, когда первые латиноамериканцы-мусульмане на севере континента подвергались гонениям и социальному остракизму.

То, что потомок мусульман-беженцев лучше своих родителей понял прелести Прекрасного нового мира, очевидно. Религиозные взгляды, указанные как «индифферентные», говорят о том, что он не разделяет веры отцов, равно как и то, что он пошел на технологические расширения тела, ревностно осуждаемые монотеистическими религиями. Качество приращений оказалось плохим, но так как это все, что он мог себе позволить, от них пришлось отказаться. Эти действия, скорее всего, стали причинами многих семейных конфликтов, а отсутствие поддержки семьи и, следовательно, качества образования, которое он мог купить, вынудили его трудоустроиваться в те корпорации, которые участвовали в охране общественного порядка.

– Он прав, – произнес наконец Мартинес. – Пусть mercenario действует по своим каналам, мы станем действовать по своим. И будем наблюдать за тобой. Нам не нравится, что присылают «мокрушников», поэтому не выходи за рамки. Наши Правила довольно суровы к тем, кто их нарушает.

Мухаррам рассмеялся. Латиноамериканец так характерно выговаривал некоторые статусные выражения, что встроенный в нейролинк переводчик голоса не распознавал их как кодифицированные слова и оставлял без изменений. Возможно, Джамал и утратил связь с конфессией, но все же умышленно подчеркивал свое этническое происхождение.

– Я вряд ли позволю мешать мне работать.

– Наоборот, мы думаем, как помочь, – вмешалась Ариадна. – Если ты не станешь переходить границы, мы будем очень полезны друг другу. Прокатимся?

– Куда?

– Ты же планируешь с чего-то начать?

Мартинес жестом пригласил идти за ним и вышел. Следом помещение покинула и Ариадна. Мухаррам поднял выехавшую по конвейеру дорожную сумку. Он планировал бежать и уже хотел запросить у сервис-центра вокзала схему входов и выходов, но вспомнил, что, согласно принятой в прошлом году редакции Правил, люди, вступающие во взаимодействие, включаются в персональную локальную сеть между участниками коммуникации. Люди видели одни и те же виртуальные объекты одинаково, что помогало избежать конфликтов. Службы безопасности могли навязывать участие в такой локальной сети и принимать любые когнитивные паттерны преследуемого – от вида из глаз до всей поступавшей через его нейролинк информации.

Взвалив сумку на плечо, он вышел через единственную дверь бокса. Димитриадис оказалась слева от него, ее подчиненный сзади. Видимо, контролировал, чтобы их персона нон грата не выкинула какой-нибудь фокус.

На полу появилась проекционная линия, ведущая дальше по коридору. В двадцати метрах она сворачивала вправо и указывала на площадку для электрокаров. Все строение и пятиметровая башня позади вокзала являлись частью огромной восьмиуровневой подземной парковки, полностью автоматизированной и подающей помещенные в ротор вертикального хранения машины пользователей.

Когда Джамал вызвал из автопарковки служебный электрокар, подъемник прокрутил транспортный лифт, выбрал один автомобиль и поставил его на площадку – четырехместная машина не самой последней модели, но отличающаяся удивительным изяществом линий, которые одновременно делали ее и современной, и ретростильной.

Джамал Карлос Мартинес сел за руль, девушка выбрала заднее сиденье, а Мухаррам кинул назад сумку и рюкзак, а сам поместился на место справа от водителя. Автоматика подключила электрокар к локальной сети автомагистрали, вывела машину с парковочной площадки, соединила транспорт токоприемником с постоянным током, идущим по дорожному полотну, и запустила двигатель. Уже через две минуты автомобиль мчался на юг от вокзала Синьитиро Накамуры на скорости около трехсот километров в час по циркумпольярному шоссе.

Когда электрокар выехал за границы плотной застройки, Джамал развернул на лобовом стекле детальную проекцию южного района Фильхнербурга – Новый Уитмор, на которую были нанесены новые отметки.

– Сегодня в десять тридцать пять утра на перекрестке проспекта Садовникова и Джона Ву произошла автокатастрофа третьей степени. Грузовик, перевозивший контейнеры с наноконпонентами, столкнулся с электрокаром марки «Такугава». Двое электрокара находился в состоянии наркотического опьянения, его спасти не удалось, электрокар не подлежит восстановлению. А вот с грузовиком все гораздо интереснее. Мы оцепили квартал и использовали официальные каналы, чтобы приуменьшить масштабы разрушений. Bossо управления транспортной безопасности сделал заявление, в котором говорится о разливе наномедов для страдающих заражением крови...

– Но это ведь были не наномеды? – задал риторический вопрос Мухаррам.

– Это были не наномеды, а наномиты. Прежде чем мы задействовали «Активный щит», эти микроскопические *céspeds* съели двести квадратных метров территории, превратив ее в песчаную котловину, пустыню муниципального масштаба. Системы «Активного щита» остановили репликацию наномитов, и тогда мы получили возможность подсчитать убытки и подвести итоги. Корпорация «Веверна Индастрис» отрицает перевозку оружия, утром она предоставила убедительные документы, подтверждающие, что выполняла заказ на алкалоиды, содержащие в основном серу и бром – для исследований новых видов стимуляторов иммунитета. Криминалисты установили, что грузовик перевозил триста двадцать стандартных контейнеров для активных масс и взвесей, сходных с контейнерами, заявленными в описи «Веверны». Однако по факту контейнеров оказалось триста восемь.

Мухаррам увеличил снимки с места аварии, встроенные в проекцию и сделанные камерами дорожного наблюдения. С помощью несложных манипуляций отделил некоторые объекты изображения. Прodelав еще несколько пасов руками, он собрал трехмерную копию контейнера из тех частей, что были на разных фотографиях.

– Стандартный высокопрочный контейнер класса «Фляга», – вмешалась Ариадна. – Поставляется фирмой «Гетисборг», пригоден для транспортировки радиоактивных, отравляющих, реплицирующихся и токсичных веществ. В открытой продаже.

Электрокар въехал в небольшой окруженный со всех сторон льдами микрорайон, потом снова оказался на заснеженной трассе, а после начиналась зона плотной высотной застройки Нового Уитмора. Сбросив скорость до восьмидесяти километров в час, машина повернула налево, потом направо, еще раз направо и остановилась у заградительных пикетов, которыми обычно полиция ограждает опасные этнические кварталы в старых европейских столицах.

Заграждения представляли собой белые блоки, похожие на бетон, на которых нанесены две черно-желтые параллельные полосы и абстрактный рисунок цифрового кода, который Мухаррам не смог прочесть с помощью нейролинка. Бесплатные локальные сети вокзала он

перестал ловить, как только они сели в электрокар, а городские сети, даже самые медленные, требовали платы за подключение.

Мухаррам первый вышел из машины. На улице кружил теплый снег. Из-за геотермального подогрева города Антарктики напоминали декабрьскую континентальную средневропейскую зиму. Угнетал только городской пейзаж, который давил своей полной белизной без признаков разнообразия. От перекрестка нижней магистрали, на котором они остановились, открывался вид на все четыре стороны и на дорожное полотно верхней магистрали, тянущееся в пяти метрах над ними. Оба проспекта были заставлены белыми коробками домов – без окон и хоть каких-нибудь узоров. Дорога, выложенная серой плиткой, оказалась единственным цветовым разнообразием окружающего пейзажа, насколько хватало глаз.

– Да, amigo, я все понимаю, – подметил разочарование Шухрата Мартинес. – Люди, которые живут в нижнем мире, видят реальность такой, какая она была раньше. Когда мы создавали виртуальную реальность, думали, что это будет параллельный мир, не имеющий с нашим ничего общего. Территория фантазии и безграничной свободы. Сто лет назад и в голову никому не приходило, что киберпространство так забюрократизируют, а потом из-за конвергенции мира соединятся и станут одним. Ну и, конечно же, никто не замечал, насколько нижний мир жалок, убог и скучен.

Из электрокара выбралась Ариадна. В руке у нее виднелся маленький красный конверт. Она бросила его Мухарраму. В конверте хранился контроллер подключения к среднему миру, который на всей остальной протяженности земного шара за шестидесятой параллелью назывался «Реальность Плюс», улучшенной реальностью.

Чтобы включить все опции среднего мира, Шухрату потребовалось около семи минут. Когда все опции были определены, а правовые вопросы согласованы, мир преобразился. Дома зажглись архитектурными стилями техноготики и американского ампира, словно новогодние елки, на полярном небе появились кучевые облака, в воздухе повисла проекционная реклама, отражающая именно его потребности и знакомые бренды, фильтры приглушили освещение, от которого болели глаза, сделав тона несколько размытыми и мягкими.

Мухаррам повернул голову в сторону заграждений. Чудной компьютерный код в виде случайных квадратов, треугольников, кружков и трапеций, который невозможно прочесть невооруженным глазом, превратился в надпись на русском языке «Осторожно! Проспект Садовникова закрыт в связи с аварией. Просим вас использовать подземный пешеходный уровень».

Мартинес прошел за заграждения первым. Охранники пропустили его, не задавая вопросов. Димитриадис ждала, когда Мухаррам последует за ним. Так он и поступил.

Оказавшись за кулисами, он увидел проседание дороги на три метра в глубину, откуда автоматические уборщики продолжали вычерпывать серое крошево и доставлять его в строительный грузовик с широким откидным кузовом. Фура с контейнерами и вспоротым от столкновения бортом, валялась рядом с проезжей частью возле высокого здания, облицованного темно-серой монументальной кладкой, фасад которого украшали многочисленные горгульи, облепившие второй и все последующие этажи. Часть стены здания также оказалась повреждена пролитыми наномитами. От прогулочного электрокара «Такугава», послужившего причиной столкновения, осталась только непереваренная половина капота. Теперь понятно, что имел в виду Мартинес, когда говорил, что водитель мертв, а машина не подлежит восстановлению.

Среди работающих криминалистов и технических работников выделялся один человек. Мужчина старше шестидесяти, полноватый, невысокий, одетый в неожиданно современную гражданскую одежду и совершенно не подходящую к ней шляпу. Он резво перемещался по территории автокатастрофы и отдавал распоряжения. Физически он не присутствовал на месте, то была проекция, что удавалось определить по интерференции вокруг фигуры.

Мартинес направился прямо к нему и, как только привлек его внимание, начал что-то живо обсуждать. Мухаррам не смог усилить звук. Очевидно, они переключили канал на приватный режим. Хотя и так было понятно, что именно обсуждалось.

Мухаррам сделал вид, что его это не интересует, и повернулся к Ариадне.

Завеса среднего мира могла скрасить унылый полярный пейзаж многочисленными элементами, каких в нем не существовало отродясь, но никогда полностью не скрывала то, что в этом пейзаже было. Справа от офицера Димитриадис лежала покрашенная черным цветом куча, тянущаяся как небольшой горный хребет вдоль проспекта Джона Ву прямо по пешеходной зоне на сотни метров на запад. Над ней кружили буревестники, они иногда присаживались на черную массу, будто на нефтяное пятно, выклевывали что-то и ругались между собой. В некоторых очертаниях массива Мухаррам узнал предметы бытового назначения, но, даже и не вглядываясь толком, он определил, что это мусорная свалка.

Изредка дорогу перебежали крысы, прятаясь в фундаменте дома с горгульями. Вот уж воистину те, для кого все кругом было бесконечным пиром.

– Потрясающе...

– Что именно? – отвлеклась от своих мыслей Ариадна.

– Люди приехали в Антарктиду, чтобы начать все сначала. Загадив планету до неузнаваемости, они рассчитывали взять чистый пейзаж и улучшить его, не совершив прежних ошибок. Конечно же, они были полны энтузиазма – открылся новый неизведанный и неосвоенный мир – окно в их душном и темном мире, заваленном человечиною. Единственное только забыли: подобно тому, как царь Мидас превращал в золото все, к чему прикасался, также индустриалисты превращают все, чего касаются, в говно. Сколько здесь? Двести тонн отходов? Скоро весь мир утонет в мусоре. Самый настоящий говнокалипсис... И распространятся помой по всей тверди Земной, а реки станут зелеными. И всем ангелам на небе резко приспичит, пойдет желтый дождь. И возопят люди: «Боже, почто ты топишь нас в наших тошнотах?»

Ариадна впервые улыбнулась: коротко и смущенно. Но вскоре снова взяла себя в руки и надела маску безразличия и гендерно-стереотипного профессионализма.

– Откровение Шухрата Богослова?

– Моя мать хотела, чтобы я стал мусорологом. Сейчас эта профессия одна из самых престижных в моей стране. Отец был против, но никогда не говорил почему. Когда пришло приглашение поступить в Академию UNISS, он очень этому обрадовался.

– Какая разница, какие отбросы разгребать – материальные или социальные?

– Мать думала точно так же. Поэтому, видимо, моя сестра стала в каком-то смысле мусорологом. Копаются в своей обсерватории, ищут что-то в поясе Койпера. Ее привлекает возиться в звездном мусоре.

– Аминь!

На мгновение охранница глянула через плечо Мухаррама, развернулась и направилась обратно к электрокару. Шухрат повернулся. Перед ним стола проекция местного начальника. Вид его, более чем сердитый, соответствовал речи, словно вот-вот лопнет от ненависти ко всему человечеству.

– Сегодня совещание с представителем аудиторской компании, будем оптимизировать расходы по искам. Из Дрейк-Сити приехал проверяющий инструктор, ждет меня в соседней комнате. А у нас сегодня какие-то ублюдки крадут из-под носа двенадцать упаковок конвенционно запрещенных армейских наномитов, топ-менеджеры из Свободной медицинской гильдии принесли в жертву языческим богам пингвина, чтобы те послали им высокие индексы по завтрашним торгам, в Вернадске какие-то очередные уволенные сволочи взрывают пятый корпус Алфизического экспериментального научного центра, а узколобые бюрократы из ООН присылают еще одного философа-самоучку, чтобы он глумился над нашими ценностями и мочил

направо и налево всех, кто угрожает этой его международной безопасности. Это издевательство какое-то!

– Успокойтесь... – попытался остановить тираду Мухаррам.

Старик оглядел его с ног до головы, изобразил на лице гримасу разочарования и крайней формы гнева, а потом ткнул виртуальным пальцем Мухаррама в грудь.

– Слушай сюда, сынок, меня зовут Фридрих Вузвик, и я тут главный. Дважды повторять не стану. Нам известно, кого ты преследуешь. И я не потерплю, чтобы по Антарктике ползал еще один одержимый мочитель, который будет осуществлять тут свою карательную демократию. Будешь работать с майором Димитриадис и ее группой. Попробуешь что-то утаить – понесешь ответственность согласно нашим Правилам... – Старик резко развернулся. Точнее, его изображение, замерцав, через мгновение оказалось боком к Шухрату. – Эй ты, недоумок, куда понес седьмую улику? Я специально пометил ее виртуальным маркером. У тебя что, отслоение неокортекса? Изъять вместе с носителем...

Изображение старика вспыхнуло и перенеслось на двадцать метров в сторону, где несколько нерадивых работников вместе с мусором случайно захватили часть синего контейнера из-под поврежденного груза.

Мухаррам еще полминуты смотрел на забавного главу следственного отдела по особо важным делам, а потом отер ладонями подмороженные щеки и вернулся к электрокару. Женщина и ее подчиненный уже находились там и отогревались зеленым чаем.

– Он у вас что, совсем скорбен на голову?

– Да нет, Грибок нормальный, – ответил Джамал, не отрываясь от манипуляций с термосом. – Просто он не без проблем. Но тебя должно волновать не это, а украденные наномиты. Вся эта инсценировка с аварией не для того, чтобы испробовать инновационные методы охоты на тюленей. Их будут вывозить.

Мартинес достал из бардачка третью кружку и приглашающим жестом предложил разделить чаепитие, но Мухаррам отрицательно покачал головой.

– Ну и правильно, – встряла Ариадна. – Основы оперативного дела: пить и есть только то, в чем абсолютно уверен. А лучше собственного приготовления.

– Мы с вами не друзья, – отреагировал Мухаррам. – Зачем вы меня сюда привезли? Разрушенную мостовую посмотреть? Эта ваша корпоративная возня мне не интересна...

Мартинес рассмеялся:

– Напрасно ты так, amigo. Ты ведь еще не знаешь главного!

Он повернулся так, что принявшее его позу кресло разложилось, подобно шезлонгу. Руки легли на лобовое стекло, переходящее в потолок. Появившиеся проекции отражали текущие сведения Пограничного траста на фоне антарктикоцентричной карты мира. В левом углу переклюкались с частотой в несколько секунд портреты людей, нелегально пересекших границу Антарктиды и задержанных за это, в правом – отпущенных после выплаты штрафа. Внизу проявилась карта Кашмира и какие-то финансовые выкладки.

– Референдум и борьбу за независимость в Кашмире финансировали три крупные корпорации. «Kondida» занималась добычей природных ресурсов, две другие – «Eugenica» и «Herbatroniks» – признанные лидеры в области медицины и фармацевтики. «Herbatroniks» являлась нашим клиентом, поэтому мы имеем текущие данные по всем событиям весны-лета семьдесят второго. После неудачного покушения на главу регионального представительства корпорации Кирка Олроя и его последующего убийства киллером-интернационалистом мы начали проверять связи víctimas и установили его частые контакты с несколькими теневыми группами, обслуживающими интересы правительства штата, чья деятельность не оценивается нами однозначно...

На проекции появились три портрета: художавого представителя дардских народов, лидера партии «Национальное возрождение» Мунира Ратнаваджры; старика-китайца, чис-

лившегося в базах данных UNISS как Лао Цзян, военного советника председателя компартии Китая, последнее время активно продвигавшего интересы Поднебесной в Южной Азии, и ничем не примечательного европейца в темном костюме, белой рубашке в тонкую редкую полоску и синем галстуке с небрежным узлом полувиндзор.

– Первый – очень известная *personalidad*. Ратнаваджра – один из идеологов третьего референдума о принадлежности Кашмира. Судьба его удивительно повторяет судьбу Мохатмы Ганди. Вышел из торговой семьи, женился на кузине, учился в Европе на юриста, известен как правозащитник, боролся с сословным неравенством, стал признанным *luchador* за независимость, ярый сторонник ненасильственного протеста, увлекался политическими голодовками, учредил Кашмирский конгресс, написал кашмирскую конституцию, добился независимости и вскоре был убит никому не известной террористической группой. Он был бы нам практически не интересен, если бы не одно обстоятельство...

Центральное место на лобовом стекле занял пистолет оригинальной эргономичной формы, и блоку внешней памяти Мухаррама потребовалось некоторое время, чтобы установить модель.

– Убийство Ратнаваджры совершено сразу после начала работы по привлечению в регион миротворческих сил ООН. Уникальная девятимиллиметровая пуля используется для российского пистолета системы ПСБМ, поставляемого Евразийским Союзом Пекину для оснащения спецподразделений. Кустарно изготовить невозможно из-за сложной конструкции узла подачи патрона. Очевидно, организаторы рассчитывали, что устранение бесспорного национального *líder* приведет к вакууму власти и столкновениям между группами, претендующими на власть. Тем не менее главный *adversario* «Национального возрождения», кочующий из страны в страну идеолог «зеленой Азии» джихадист Наджа Рафша, имеющий в Кашмире свои интересы, устранил практически всех конкурентов нового амбициозного лидера и националиста Абдула Газиза, сына кашмирского диссидента Ибрагима Газиза, который получил образование, опять же, в западном Китае.

Ариадна привстала с заднего сиденья и дотянулась через спинку переднего кресла до лобового стекла. Сделав несколько пасов, она вызвала из глобальной телекоммуникационной сети новостные и аналитические записки, рассортированные по блокам.

– Это не важно, действовали ли китайцы второпях, наспех подготовив такое грязное покушение, или это была инсценировка третьей силы, – вмешалась Димитриадис. – Покушение не отменило и не отсрочило приход в Кашмир расширенного миротворческого контингента ООН в рамках программы по навязыванию мира UNMAPFOR. Появление миронавязателей в Кашмире и вытеснение в соседний Тибет бандформирований усугубили и без того очень сложную ситуацию на западе Китая. Многочисленные нападения на правительственные войска, теракты, политическая активность сепаратистов. Облегчить ситуацию должен был Лао Цзян. Он как бы экспортировал хаос в Кашмир, создавая возможности для решения конфликта внутренними силами – и на Тибете, и в Синьцзяне.

Проекция изменилась, на первый план выехал непримечательный человек офисной внешности и еще несколько связанных с ним портретов. Джамал Мартинес взял инициативу в свои руки:

– Третий человек известен нам под прозвищем Специалист. Согласно внутренним документам службы безопасности «Herbatroniks», в его задачи входила организация работы штаба по обеспечению масштабного динамичного этнополитического конфликта. Но работал он не на китайцев, а на независимого заказчика из Южной Европы. В его подчинении находились три человека. Правая рука – Малик Пир Бахш Дахна, пакистанец, из военных. После появления миронавязателей бежал в Бангладеш. Второй – Иса Хатами, сын Сулеймана Хатами, денежного мешка Кашмирской долины. Он обеспечивал лояльность кампании по признанию независимости среди богатых родов Индии, традиционно вовлеченных в лоббизм и на наци-

ональном уровне, и на Западе. Погиб в теракте. Третий – Александр Воронов. На прошлой неделе вместе с законтракованной женщиной пытался пересечь границу Антарктики, но пойман заставой на берегу Принца Улафа. При себе он не имел никакого имущества и никаких финансовых активов на банковских счетах, поэтому ему предложили выплатить штраф продажей части органов. Женщина пожертвовала собой, поэтому Воронов лишился только левого глаза, правой голени и ступни. Мы продолжили следить за ним. Вчера в городке Силиг он встречался с человеком, в котором Мультидомен опознал Специалиста. Наш аналитик считает, что тот проник на континент под видом бразильского беженца.

– Так они оба здесь? – спросил наконец Мухаррам.

– Слежка за Специалистом не увенчалась успехом, он ушел от нее, – ответила Ариадна. – Поэтому мы не знаем, на континенте Специалист или уже нет. Воронов появлялся в Новом Уитморе незадолго до аварии на перекрестке Садовникова и Джона Ву, но другие данные кем-то стерты с серверов системы контроля, включая видеозапись и протоколы регистрации по серийному номеру нейролинка. Судя по сохранившимся трекам в сети, неизвестный хакер взломал и локальную сеть системы дорожного движения, из-за чего и случилась авария. Хотя это и выглядит как теракт, точечное исполнение говорит о том, что злоумышленник преследовал иные задачи. Аналитический отдел считает, что Воронов ищет оружие массового поражения и его интересуют боевые наномиты. Активная защита Китая полностью войдет в строй только в следующем году, западные мятежные провинции не прикрыты антинаномитным зонтиком. Использование этого оружия приведет к хаосу, беспорядкам и дальнейшему распаду Китая, конфликт перебросится в Ганьсю, Внутреннюю Монголию и Гуанси-Чжуанский автономный район, где сильное социальное расслоение. Если кража состоялась, и авария это всего лишь неудачная попытка уничтожить улики, тогда иди по следу наномитов и найдешь тех, кого хочешь загнать в угол.

Мухаррам открыл новую проекцию прямо перед собой. Стандартная тактическая карта Нового Уитмора. Прежде всего, необходимо избавиться от сотрудников «A-Security», снять номер в отеле и раствориться в толпе. Корпоративные ищайки не дадут работать, хотя и выглядят дружелюбно. Отметив пункты автопилота, которым не планировал воспользоваться, он открыл дверь электрокара и вышел на мороз. Основные мероприятия по ликвидации аварии уже были закончены, но заграждения так и не убрали.

Шухрат обошел автомобиль и открыл заднюю дверь, чтобы достать сумку и рюкзак. Рядом отворилась передняя дверь, из машины вышел Мартинес.

– Я понимаю, amigo, ты не нуждаешься в нашей помощи, но тем не менее... Есть один hombre, который может вывести на Воронина. Через два часа начинается запись передачи на канале GMS. Тема: «Религия и прогресс». Одну из сторон представляет старший брат Парачельс. Его уважает разное отребье, и это надежный проверенный fuente, всегда даст ценную наводку.

– Погоны под рясой? Старые методы, выходит, самые лучшие? – уточнил Мухаррам.

– Но попытаться-то стоит...

Шухрат кивнул в знак благодарности, взвалил на плечо рюкзак, этой же рукой поднял сумку и захлопнул плечом дверь электрокара.

– Можешь остановить попутку на красном радиальном шоссе, но пневмопоездом будет быстрее, – произнес вслед латиноамериканец. – Он ходит каждые пятнадцать минут. Студия GMS находится рядом с корпускулярием Сигма, станция пневмотранспорта носит то же название, так что не пропустишь.

Мухаррам уже шел прочь от электрокара по проспекту Садовникова, удаляясь от места крушения. И сделал вид, что не расслышал последних слов Джамала.

Сетевой дневник Крысолова, день 64

«После того, как я смирился с мыслью, что мои дни в этом мире ограничены, мне стало неожиданно очень комфортно. Комфортно физически и эмоционально. Может быть, навязчивое желание все контролировать есть то тягостное бремя, которое ощущаешь, только избавившись от него? Отдаваясь судьбе, я вздыхаю с облегчением, словно ослабив напряженные мышцы всего своего существа.

Но есть мысль, которая меня все же тревожит. Что, если ощущаемое многими приближение последних времен – это не выражение коллективного страха перед сменой технологических циклов и общественного уклада, а реальность? Может, я вошел в резонанс с этим гибнущим миром именно потому, что мое тело разрушается? Может, поэтому мне так удобно в нем находиться? Ведь мы движемся в одном направлении!

Я научился останавливать кровь из носа, но головные боли участились...»

Тэги: смерть, конец света, озарения.

ГЛАВА III

Вы подключили новостной маршрутизатор GMS. Для получения более подробной информации о текущих событиях используйте пакет «N+», а также пройдите процедуру импорта вашего социального профиля в систему Мультидомена.

1. Председатель Совета директоров «A-Security» Филипп Митчелл на пресс-конференции, прошедшей в полдень в Латиборском храме, опроверг информацию о том, что вчерашняя авария на перекрестке проспекта Садовникова и Джона Ву является террористическим актом.

«Для теракта это слишком неэффективно. Разрушений почти не было, прохожие не пострадали. Что же касается груза, который перевозил фургон, установлено, что это были алкалоиды для иммунопрофилирующих систем. Разговоры о том, что это оружие, неуместны и спекулятивны», – заявил председатель Совета, отвечая на вопросы журналистов.

2. В ходе очередного визита президента Евразийского Союза в Берлин стороны подписали новые соглашения по поставке в Европу чистой воды.

Политолог Густав Шелер считает, что последнее время этот проект не получал поддержки на высоком уровне из-за устойчивого спроса на воду в странах Тихоокеанского кольца. Сегодняшний успех он связывает с прозападной позицией российского лидера, которая и без того осложнила отношения Евразийского союза и Китая по территориальному вопросу в районе алтайской границы.

3. Постоянное представительство Китая в ООН может оказаться под угрозой. Об этом заявил сегодня Председатель КПК Ли Сяочуань на встрече со студентами Пекинского мультиверситета.

Однако, по его словам, угрозу представляет не недавнее решение Совета безопасности ООН о введении в Кашмир войск по навязыванию мира, а позиция некоторых участников Совбеза, настаивающих на расширении миссии на территорию Тибета. Китайский лидер назвал эти шаги недопустимыми и угрожающими суверенитету страны.

Корпускулярный напоминал огромный купол из пейзажей фантастических городов будущего. Он представлял собою сферу из соединенных между собой полупрозрачных шестигранных блоков-сот, что накрывали круглое пространство – сто сорок четыре метра в диаметре. В центре полусферы возвышалась огромная спираль, выходящая за пределы сооружения и поднимавшаяся в высоту еще на семнадцать метров. Из корпускулярия вело три перехода в виде крытых коридоров, расходящихся в разных направлениях. Центральный вход украшали фигуры двух сплетенных в смертельной схватке единорогов, еще не успевших нанести друг другу смертельные раны и замерших перед посетителями в стагисе диалектического противоборства. Надпись над ними, выведенная старинным типографским шрифтом, гласила «Ad Libitum».

Хотя блоки-соты отражали половину света, от чего купол казался мерцающим и волшебным, все же видны были находившийся внутри корпускулярия зимний сад и многочисленные в будний день посетители.

Времени оставалось совсем немного, поэтому Мухаррам сдал свои вещи в камеру хранения пневмостанции и обошел купол по периметру по часовой стрелке, чтобы быстро осмотреть местную достопримечательность.

Вся жизнь небольшого района Сидли, казалось, сходилась к корпускулярию. Здесь сконцентрировались самые высокие дома, самое оживленное пешеходное движение, даже на окнах местные жители высаживали деревца с раскидистыми ветвями и крупными цветами. Над неко-

торыми зданиями поднимался дым, однако не казался той промышленной копотью, которой заводы награждают те индустриальные центры, в которых находятся.

В непосредственной близости от корпускулярия не ощущалось ни холода, ни грусти, ни той легкой тянущей боли в боку, что сопровождала его всю поездку. Даже мигрень, непрерывно укоренявшаяся в голове, казалось, отступила. Маленький герметичный мир посреди ледяной пустыни, запертый, но не закрытый от людей, своим существованием вселял надежду на то, что все получится.

Зарядившись этой энергией, Мухаррам направился напрямую к зданию медиацентра GMS, вызвав одновременно экскурсионный сервис. Рядом с ним появилась проекция человеческой фигуры, опрятная старушка лет девяноста, в чьей компетенции почему-то не хотелось сомневаться. Одна из миллиона виртуальных реинкарнаций Мультидомена. Она шла рядом вплоть до самой студии, пока он задавал ей вопросы.

– Кто такой Парацельс?

– Старший брат Парацельс – видимый глава экуменистической Церкви Трехрукого ангела и ее верховный иерарх, владелец трех доминионов и пяти планторий в Антарктиде, а также одной территории, статус которой оспаривается Консорциумом. Парацельс выступает с прогрессивных позиций по традиционным религиозным вопросам. Свои взгляды он отразил в книгах «Рукопожатие Бога», «Liberatum» и «От веры – к сделке!».

– Какие именно взгляды? – уточнил Шухрат.

– В своих исследованиях Парацельс выстраивает ряд парадигм, доказывающих искусственность разделения религиозного и научного знания и примиряющих сторонников трансгуманистических идей и тех сторонников религиозно-философского направления, которые утверждают существование монотеистического Бога, создавшего мир и продолжающего в нем свою активность. По этой причине он пользуется значительным успехом среди умеренных, так как позволяет своим авторитетом обеспечить политическую стабильность в условиях нарастающего социального конфликта. Ключевой идеей его работ является принцип содержательной умеренности. Он гласит, что если человек технологически расширяет возможности своего тела и эти приращения функционируют за счет биоэнергетики тела без подключения дополнительных источников энергии, то он не выходит за границы проекта, предписанного человеку Богом. Этот принцип нашел понимание в обществе, он положил начало широкой дискуссии и стал краеугольным камнем в новом видении постчеловеческого будущего, в котором есть место религии.

Здание «Global Media Center» оказалось слишком большим для компании такого размера. Трехэтажный особняк на пятнадцать помещений – офисов и студий. Как таковых студий было всего две. Это небольшие комнаты по сорок квадратных метров, в которые вмещалось только необходимое для трансляции оборудование, ведущий передачи и его гости. Основные события проходили не здесь, а в виртуальном пространстве Мультидомена, куда проецировались огромные цифровые помещения, экзотические места и куда мог прийти любой желающий, имеющий лицензированный доступ к континентальной информационной системе. Физического ведущего в этом шоу также не предусматривалось.

Мухаррам опоздал, трансляция передачи уже началась. Поэтому, когда он прошел в приемную, не стал привлекать внимания, а незаметно уселся на диване, нашел на сервис-спираль список текущих ток-шоу. Удаленное участие его не заинтересовало, поэтому он взял один из публичных штекеров и вручную подключился к каналам передачи «Встречи с Тьюрингом».

Все общественное очень часто вызывает брезгливость, и штекер, который непонятно кто пихал в свой нейроинтерфейс, не вызывал положительных ощущений, когда Мухаррам соскреб со своей шеи напыленную кожу и воткнул штекер в обнажившееся гнездо прямой связи. Как только пошел сигнал, брезгливость прошла сама собой.

«Разговор с Тьюрингом» представлял собой популярную программу: цифровая имитация личности Алана Тьюринга, известного английского математика, логика, криптографа и основателя теории искусственного интеллекта, жившего более ста лет назад, в ретрофутуристических динамичных декорациях открытой студии гипотетической европейской столицы обсуждала с приглашенными гостями перспективы развития современных технологий.

Косвенно «Встречи с Тьюрингом» являлись и пародийным шоу. Для этих целей и изготавливался антураж в жанре стимпанка темных и золотистых цветов. Студия находилась на крыше небоскреба, с нее открывался вид на город, тянувшийся десятками дымящих труб, сотнями дирижаблей и бесконечных урбанистических холмов до самого горизонта.

Время от времени создавалось ощущение, что в лицо дует ветер от пролетающего мимо персонального махолета – велосипедной конструкции, дополненной крыльями и элеронами. Показательный тест на футурологическую профнепригодность.

Виртуальная студия на семьдесят посадочных мест оказалась забита до отказа. Учитывая специфику, стоило предположить, что в данный момент в студии находилось около полумиллиона зрителей, а изображенный в графике традиционный зал задумывался скорее как дань уважения к антуражу ток-шоу прошлого. Всегда можно было прогнать бота и занять его место – любое в зале – где комфортнее. По старой привычке Мухаррам сел в дальнем ряду справа.

Сам Тьюринг походил на живого в самых сокровенных мелочах, поэтому традиционно занимал почетное место в семерке самых популярных ведущих. Конечно же, он являлся только проекцией, компьютерной моделью и этим показывал несостоятельность теста, разработанного своим прототипом.

«Если человек, общаясь, не чувствует, что его собеседник не человек, то тест на искусственный интеллект можно считать пройденным». Это правило действовало весь двадцатый век, а потом появились семантические программы, которые эмулируют человеческое общение, находясь на вполне примитивных аппаратных платформах, про интеллект которых говорить просто стыдно.

Шоумен Тьюринг был одной из таких программ. Развитых, с большой базой данных, с проработанной семантической лингво-психологической сетью. И это позволяло цифровой марионетке на людском уровне вести передачу.

– ...фундаментальным является отношение человека к его собственному телу, – отвечал Парацельс на ранее заданный вопрос. – Вы замечали, что японцы, китайцы, индусы активнее европейцев идут на технические расширения своего тела? Знаете, что они активнее киберизируют свои природные руки и ноги, меняют легкие, сердце, глаза, ребра? Язычник по-другому относится к своей плоти. Не так, как мы, последователи авраамической традиции. Вот причина того, что в стратегическом плане из-за наших технофобий и предрассудков мы проиграем эту гонку! Что такое человек? Я имею в виду с точки зрения иудея, христианина или мусульманина... Это гастарбайтер! Душа, прибывшая в наш мир, чтобы заработать символический капитал, которым она расплатится по прибытии домой, в рай, за свои грехи и за грехи отцов. Это трудовой мигрант, который «трудится в поте лица» чтобы заработать на дорогу обратно. По прибытии души в страну пребывания Бог дает ей тело в кредит. После того как душа работает прощение, она возвращает тело обратно в глину, из которого то и сделано, выражаясь библейским языком. Тело должно быть возвращено в первоначальном виде, в противном случае, при нанесении татуировок, пирсинга или гнезд нейроинтерфейса, мы совершаем порчу божественного имущества...

– А язычники? – перебил его Тьюринг.

– Язычники рассматривают тело как оператор реальности, поэтому они улучшают его. В отличие от нас они сами определяют свою судьбу, а мы выпрашиваем ее у Бога. Вставил кость в нос – получил плюс пять очков к красоте, нарисовал на теле боевые татуировки – получил плюс десять к устрашению, вставил себе в голову нейролинк – перешел на новый уровень!

Наша церковь, церковь желтобожников, разрешает этот конфликт. Согласно нашему учению, человек берет тело у Бога не в кредит, а в лизинг! Добрыми делами он выплачивает его полную символическую стоимость и может смело совершенствовать его внедрениями киберимплантов!

Боты, населявшие зал, запрограммированно разразились аплодисментами, и Шухрат, человек, находящийся в визуальном одиночестве, почувствовал себя неуютно.

Парацельс представлял достаточно прогрессивным для заправских церковников, с которыми Мухаррам имел счастье состоять в знакомстве. Он выглядел лет на пятьдесят, носил стильный деловой костюм белого цвета, был аккуратно подстрижен, говорил четко и по существу. Священники традиционных христианских конфессий всегда облачались в какие-то грязные рясы, надевали кресты, покрытые патиной и стоимостью в годовой бюджет иных «новых демократий» Африки, Латинской Америки и Кавказа, а также носили бороду, в которой вечно копошились какие-то насекомые. На их фоне он действительно был олицетворением высокого социального статуса и успеха. По этой причине Парацельсу хотелось верить, так как опрятный, подтянутый и деловой человек всегда имеет моральное право учить других жизни.

Единственное, что несколько смущало в его виде, это многофункциональный киберпротез правого предплечья, который хоть и казался легким и удобным, но все же являлся в настоящее время устаревшей моделью, вытесненной с рынка более качественными образцами. Сторонники Церкви Трехрукого ангела неоднократно открыто обсуждали нюансы, связанные с этой частью его тела. Распространенная точка зрения сводилась к привыканию человека к хорошо зарекомендовавшим себя вещам и связанной с ним психологической комфортности. Это удобная версия, так как подчеркивала не только прогрессивность взглядов Парацельса, но и здравый консерватизм, симпатичный для сторонников умеренности.

– А вы что думаете по этому поводу? Неужели тот факт, что мы становимся в меньшей степени людьми, не смущает католическое духовенство? – обратилась проекция Алана Тьюринга к сидящему слева от Парацельса католическому священнику.

Прямо под ним зажглась проекция: «Католический епископ Фильхнербурга Андрей Плотников». Сам епископ ничем не выделялся и выглядел как классический католик вплоть до атрибутов одежды и жестов.

– Прежде чем говорить о греховности или богоугодности биокибернетики и распространении идей трансгуманизма, необходимо сперва поднять вопрос о Добре и Зле. На эту тему много спекуляций, однако для христианства принципиальной позицией является эгоистичность человеческих мыслей и поступков. Если человек действует с позиций «эго», присваивает все себе, он отвращает свою душу от Бога и предает ее злу. Эгоизм многолик. Позиция «я хочу делать добро людям, потому что это комфортно лично мне» – тоже форма эгоизма. Мало кто знает, но на иврите «эгоизм» так и звучит – «сатан». С этой точки зрения технические расширения способностей человеческого тела – это техносатанизм. Люди алчат быть лучше, сильнее, умнее. Это заканчивается тем, что они начинают считать себя богами и отступают от веры в истинного Бога. Однако невозможно так категорично судить всех, кто искусился технологиями. Если человек укрепляет свое тело экзоскелетом, чтобы работать в службе спасения, разве можно оценивать это с позиции эгоизма?

– Так, значит, «меньше людей – меньше грехов» – справедливый лозунг?! – нарочито возмущился ведущий. – Все мы были свидетелями того, как группа технопатов прорвалась к алтарю в Храме Христа Спасителя в Москве и устроила техно-молебен.

– Некоторые наши прелатуры разделяют тезис о том, что, если человек максимально киберизирует себя, например, переносом сознания на жесткий диск, к нему будут вообще неприменимы человеческие мерки божественного воздаяния, а его действия некорректно будет оценивать в терминах совокупности грехов. Но это не генеральная линия Ватикана, – парировал епископ Плотников. – Чтобы пресечь такие спекуляции верой, папа Урбан IX учре-

дил программу для тех, кто хотел бы избежать этических сложностей в таком непростом вопросе, как нейропротезирование и расширение возможностей тела. Теперь у верующих есть выбор, они могут сохранять свое тело чистым, участвуя в наших программах трудоустройства, избегая конкуренции с теми, кто дополняет свое тело железом и заявляет о своем превосходстве на рынке труда.

Тьюринг не успел задать вопрос Парацельсу, тот подался вперед и сделал замысловатый жест своим протезом, привлекая всеобщее внимание.

– Но разве ваша программа трудоустройства не является возрождением института наемничества? Я понимаю, наш мир переживает не лучшие времена. Многие оценивают двадцать первый век не иначе как Новое Средневековье, разрушается само понятие государства-нации. Католическая церковь активно стимулирует десекуляризацию и, пользуясь глобальным капиталистическим кризисом, приобретает суверенные территории у государств, разорившихся после полного истощения традиционных энергоносителей. Согласно последним подсчетам, Ватикан скупил уже двести миллионов гектаров под свои латифундии. Наемники Церкви, назначаемые для контроля над этими приобретениями, используются с целью силового давления на отдельные страны в желтых и оранжевых зонах. Например, скандально известный орден крестоносцев-оптиматов «Optimum Dei» в Средней Азии, прославленный издевательствами над мирными жителями. Разве нет?

– Вы существуете только потому, что ООН рассматривает вас как отдельное государство, а ваших головорезов – как национальную армию. Церковь должна быть отделена от государства, – выкрикнул кто-то из зала, заплативший за эту возможность электронным платежом.

Его традиционно проигнорировали.

– Конвенция о запрещении вербовки, использования, финансирования и обучения наемников принята Генеральной Ассамблеей ООН в 1989 году. Она запрещает наемничество, – уточнил Тьюринг. – Женевские конвенции тоже. Сорок седьмой пункт Первого дополнительного протокола вполне применим для осуждения ваших программ трудоустройства. Что вы скажете на это?

Виртуальный ведущий, конечно, лукавил. Женевские конвенции прямо наемничество не запрещали, а Конвенция ООН 1989 года, хоть и декларировала свой всеобщий характер, была подписана всего лишь без малого пятьюдесятью государствами. А в настоящий момент государств в мире насчитывалось уже больше трехсот. Впрочем, это оказался не самый сложный вопрос для епископа. Позиция католической церкви по нему была давно известна.

– «Защитник веры» – это, прежде всего, социальная программа, – фактически зачитал епископ Фильхнербурга преамбулу из памятки для кандидатов в программу. – Мы находимся в благополучной зеленой зоне, в Антарктиде есть вода, промышленность, образование и индустрия безопасности. Но это глаз бури! Мир состоит не из одних только зеленых зон: есть желтые зоны политической нестабильности, есть оранжевые зоны, где люди ощущают на себе голод, болезни и вопиющее социальное неравенство. В глобальном измерении шестьдесят процентов мировых богатств принадлежит одному проценту населения планеты. Это приводит к таким насмешкам над социальной справедливостью, как Клуб Тринадцати. Вы говорите: «Новое Средневековье»? Да, в филладельфийской желтой зоне вчера замечена вспышка бубонной чумы. Ликвидацией заражения должны заниматься международные институты, но они слабы и заняты политическими интригами в многочисленных этнических конфликтах. Наша программа дает гарантированное трудоустройство тем, кто выбрал жизнь без имплантатов и расширений.

– Церковь часто осуждают за потакание технофобии и эскапизму. Люди, вышедшие из программы, в большинстве случаев оказываются социально неадаптивными и опасными, если верить уголовной статистике, – прокомментировал ведущий.

– Многие выбирают жизнь в католических экополисах: в рамках программы в латифундиях мы создаем поселения с высоким уровнем самоуправления. Поселенцы организуются в иерархические структуры по армейскому типу, в них распространены идеалы рыцарской чести и высокой духовности, но мы не поощряем войну и поставляем оружие только в целях самообороны. В экополисах наши сторонники ведут праведный образ жизни, многие дают обеты безбрачия, воздержания, практикуют умеренность в еде и иными способами умиряют свой эгоизм. Это лучше, чем возделывать землю, которая с каждым годом подвергается все большей эрозии и деградации! Да, некоторые из наших адептов совращаются мирским делом и покидают наши экополисы. Высокие идеалы для них оказываются недостижимыми. Но это проблема не Церкви как института, это проблема государства как гаранта правопорядка.

Боты снова начали аплодировать. Это все, что они умели делать: хлопать в ладоши, смеяться, улюлюкать и ставить своим восторженным идиотизмом реальных пользователей в неловкое положение.

«Тряпичный» Тьюринг, как его называли медиакритики, повернулся обратно к Парцельсу:

– В прошлый четверг вы анонсировали свою новую книгу. Наши зрители, большинство из которых читали ваш основной труд – «Рукопожатие Бога», – хотели бы знать, что будет в новой работе. Каких именно сюрпризов и откровений стоит ожидать простым читателям?

– В моей новой книге «Сверхмораль» я иду еще дальше в вопросах реабилитации веры, – благосклонно ответил церковник. – Существует несколько вечных споров, которые делятся тысячелетиями. Например, наделен ли человек свободой воли, или он действует строго в рамках, предписанных Богом. Я доказываю, что мы изначально неправильно поняли намерения Творца и характер наших с ним отношений. Бог не наставлял нас, а предложил контракт: мы выполняем свою часть договора, он выплачивает вознаграждение. Я это описывал в ранних своих работах. В «Сверхморали» же я продвигаюсь еще дальше и приближаюсь к неотеизму.

– Но можно ли объединить религию и науку? – продолжил шоумен. – Люди пытались примирить их уже более двух тысяч лет. Та же схоластика, споры об универсалиях, концептуализм!

– Прошлые и современные теоретики католицизма погрязли в догматике и фундаментализме! И так понятно, что человек, получающий божественное откровение, записывает его согласно уровню своего образования. Они говорят: «В Библии сказано, что Бог создал мир за шесть дней», – а я говорю, что мир создан в шесть эволюционных циклов! Они повторяют за малограмотными иудейскими крестьянами пятитысячелетней давности, что Бог – это призматривающий за смертными старец на небесах, а я говорю, что Бог – это когнитуниверсальная интемпоральная и трансцендентная мультиличность, детерминирующая многомерные пределы континуума, состоящая из неустановленной до сих пор формы материи и имеющая цели, понимание которых выходит за пределы человеческих способностей. Люди должны познавать Бога, и они должны расширять свои физические и когнитивные возможности, чтобы лучше понимать его Проект!

Католический епископ рассмеялся.

– Коллега! Но в прошлый раз все закончилось очень плохо! – воскликнул католик. – Вы же помните Вавилонскую башню? Люди хотели сделать себе имя и принялись строить Башню, благодаря которой даже услышали пение ангелов. За это Бог дезинтегрировал коммуникацию, разделил человечество на народы, которые говорили на разных языках. Сейчас вы предлагаете, как я понимаю, строить новую Башню, чтобы к Богу подобраться? Посмотрите, что вокруг происходит! Люди создали Мультидомен – один из его сервисов переводит речь людей в систему универсальных кодов, что помогает людям, говорящим на разных языках, понимать друг друга так, словно они говорят на одном. Это омнилингвализм, техника позволила пойти против Бога. Для чего? Строить новый Вавилон? Здесь? В Антарктиде?

Парацельс отрицательно помахал указательным пальцем. В его глазах виделась и насмешка, и неосуждение.

– Дорогой друг, технология страшна не сама по себе, а своим неправильным назначением. Можно совершенствовать себя ради эгоизма и стремления быть лучше всех, включая Бога, а можно совершенствоваться, чтобы постичь Бога и понять его. Отсюда мой принцип содержательной умеренности. Если вы лишились ноги и поставили пластиковый протез, вы не пошли против Бога, определившего вам такую судьбу. Да и когда изнашивается зуб, люди обычно выращивают новый. Это тоже техническое улучшение тела. Все, что функционирует на ресурсах человеческого организма, уже предопределено Богом в качестве резерва человеческого онтогенеза. Но в книге «Сверхмораль» я иду дальше и рассматриваю, насколько применимы те или иные понятия христианской морали к людям, добившимся значительных расширений. Я развиваю некоторые идеи Ницше и умножаю их на левое гегельянство. На выходе получается феномен «экстранормальности» и обслуживающая ее сверхмораль, о которых наши телезрители смогут прочесть уже через неделю.

Мухаррам открыл панель с подписями. Справа виднелась строка «Глава Церкви Трехрукого ангела старший брат Парацельс. Одобрение: 357 921 голос», слева – «Католический епископ Фильхнербурга Андрей Плотников. Одобрение: 296 889 голосов». Казалось, после заявлений о новой книге показатели католика начали расти быстрее. Всего около шестисот пятидесяти тысяч голосов, значит, зрителей ток-шоу более полутора миллионов. Аншлаг.

Шухрат не очень любил политические перепалки и дебаты, в которых обе стороны делали вид, что излагают последнюю богобоязненную истину, определяющую вектор развития человечества. Он отключил трансляцию и вышел из потока. Оказавшись снова в приемной GMS, он потянулся, зевнул и откинулся на спинку дивана. До конца передачи оставалось минут двадцать.

На ресепшене стояла девушка лет двадцати. Встреча гостей и клиентов – одна из немногих видов трудовой занятости, где голограммы и антропоморфные роботы не могут тягаться с человеком. Во многом это связано с тем доверием, которое человек оказывает человеку, и теми немногочисленными местами, где он может это сделать.

Девушка подняла глаза на Мухаррама и улыбнулась. Секунду помедлив, он поднялся с дивана и подошел к стойке.

– Извините, я тут второй день всего. Вы случайно не тот сыщик, который расследует загадочную смерть инженеров корпускулярия Ипсилон? У вас в социальном профиле мало данных и место работы не указано, как у всех настоящих сыщиков и шпионов.

– Нет, я жду человека, у него сейчас запись, – ответил Мухаррам.

– О, вы тоже поклонник старшего брата Парацельса? – восхищенно воскликнула администраторша. – Я читала все его книги. А мой брат даже участвовал в его открытых лекциях. Если бы он выбирался в правление Антарктического консорциума, я бы проголосовала бы за него всеми своими акциями! Люди должны иметь полную свободу выбирать, что они хотят сделать из своего тела, никакие священники не должны указывать, что правильно, а что нет. Парацельс – красавчик, он все грамотно говорит. Эти католики манипулируют страхом людей перед техникой, чтобы собрать с них больше денег. Люди имеют право на большее. По-моему, надо снять ограничения на продажу расширений.

– Есть опасные имплантаты, которые правительства должны контролировать ради общественной безопасности. Какие бы ни были оттенки морали, этичность использования диктует необходимые конвенциональные ограничения на реализацию этих устройств...

Девушке не очень понравилось это. Она насупила носик и прищурилась, немного наклонив голову влево.

– Это какие, например?

– В Кашмире я видел устройство серии ГМХ-2100 «Жвалы». Это имплантируемые в плечо боевые органы третьей категории, сделанные из композитов и углеродных нанотрубок. Позволяют носителю перекусывать гусеницы танка. Конечно, оно поставляется только в войска и запрещено к свободной продаже, но на черном рынке Южной Азии можно найти добротные подделки и украденные образцы. Я видел своими глазами, как такими эксплантатами перегрызали женщин и детей в тамильской деревне во время «рисовой войны». Какая сверхмораль это оправдывает?

Работница перестала улыбаться и помрачнела. Сигналы о легкой симпатии, которую регистрировала социальная программа, встроенная в нейролинк Мухаррама, перестали светиться.

– Ну что же вы? – продолжал он. – Давайте вечером сходим в кафе, обсудим? У вас, наверное, есть свое собственное мнение на тему того, что можно, а что нельзя делать людям с расширениями тела? Поделитесь?

– Я, к сожалению, занята на этой неделе. Очень много работы, – ответила резко охладевшая сотрудница ГМС.

Голос ее стал подчеркнута официальным. Она выпрямилась, и от расслабленной и свободной игривой позы не осталось и следа. Мухаррам повернулся к ней спиной, прислонясь поясницей к стойке ресепшена. Перед глазами медленно вращалась сервис-спираль, и он, провояжая глазами флажки услуг, не мог выбрать что-то, чем хотел бы занять оставшееся время.

Ждать ему пришлось не долго. Минут через пять дверь, ведущая на лестницу, распахнулась, и в приемный зал вошли два человека. Один из них определенно был Парацельсом, хотя его настоящая одежда отличалась от того проекционного белого костюма, в котором он посетил виртуальную студию. Другой, судя по всему, охранник: официальная одежда в виде похоронного черного костюма, модного в начале пятидесятых годов двадцать первого века, чья текстура подчеркивала частично выпирающие выпуклости бронированного экзоскелета. Другими символическими деталями были бессмысленный и дешевый галстук того же цвета, широкие очки, скрывавшие имплантаты глаз, неопределенный возраст и особая форма социального профиля, плывущая следом за ним в проекционном окошке.

– Нет, ну ты видел? – восхищенно воскликнул Парацельс. – Этот Тьюринг в версии три-точка-шесть намного лучше предыдущей модели. Они потратили полмиллиона на новый патч, который исправляет баги в проекции и делает восхитительно острыми эти его саркастические нотки. «Что вы скажете на это?» – спародировал он ведущего. – Замечательно получается. Я почему-то ему доверяю. Умом понимаю, что это не человек, но все равно хочется хлопнуть его по плечу и сказать: «Дружище, айда в телекинетический боулинг?» Понимаешь?

Охранник угрюмо кивнул, хотя, конечно же, его не волновали такие вопросы.

– Да ни хрена ты не понимаешь! – возмутился звезда экрана. – Быдло...

В функции хорошего охранника не входит развлекать нанимателя светскими беседами, а охранником он был хорошим. Стоило Мухарраму оторвать поясницу от стойки ресепшена, за которым администраторша заламывала в восхищении руки, и сделать шаг в сторону известного теолога, телохранитель сделал упреждающий шаг вперед и мягко оттолкнул Парацельса за спину.

– Вообще-то люди по причине психологической пластичности часто принимают за живое то, что ведет себя как живое, и признают человеком то, что ведет себя как человек, – выпалил Шухрат, обращаясь к главе церкви. – Когда касатки охотятся на пингвинов, симпатии людей всегда на стороне пингвинов, поскольку те антропоморфны: они прямоходящие и как бы имеют две ноги и две руки. Хотя в таксономическом смысле они птицы, а касатки – млекопитающие. Касатки значительно ближе к людям, чем пингвины, но людей это не смущает.

– Мы знакомы? – уточнил Парацельс.

– Маркус Алиенде, – поприветствовал Мухаррам главу церкви, пожав ему руку и нарочно не обращая внимания на действия охранника. – Я политический консультант АТС.

Мухаррам поднял руку ладонью вверх. Над ней появилась проекционная визитка с основными профессиональными и биометрическими данными. Разумеется, поддельными.

Шестое чувство говорило Мухарраму, что его собеседник в целом светлый человек, который не соблюдает этическую гигиену и часто сталкивается со злом в этом мире. Это оставляло метки на его лице, руке, мыслях. Познания добра немислимы без познания зла, и ему приходилось ходить по краю, чтобы заглядывать в самую бездну человеческой незавершенности. Казалось, он менее верующий, чем хотел бы показать, но воспринимал это не как недостаток, а как достоинство, позволявшее более свободно относиться к религиозному наследию прошлого.

Парацельс загрузил данные в свою внешнюю память и щелкнул пальцами по проекции, заставив ее исчезнуть.

– АТС? То есть Секретариат Договора об Антарктике? Неужели вы приехали сюда из Буэнос-Айреса только для того, чтобы поговорить со мной о теории оценочного восприятия? – усмехнулся теолог.

– Не совсем. Я ищу двоих людей...

Парацельс дернулся, словно его укололи иголкой, а потом пристально посмотрел на Мухаррама, словно пытался взглядом выбить из него какую-то до сих пор не прозвучавшую правду. Он поднял свой высокотехнологичный протез правого предплечья так, словно тот весил полтонны, и положил его на плечо Шухрата.

– Люди Вузвика говорили мне, что вы придете...

– Один человек не имеет имени, другой плохо видит...

– Я понимаю, – пробормотал еле слышно Парацельс. – Мне надо отпустить водителя. Я могу помочь вам.

Глава церкви направился к выходу. Он жестом остановил охранника, который хотел проследовать за ним.

Мухаррам отметил Парацельса виртуальным маркером, и, когда тот скрылся за парадными дверьми, маркер продолжал пульсировать на фоне зеленоватой стены, украшенной проекционными благодарностями и фотографиями посетителей студии ГМС. Опасения его оказались напрасны, Парацельс не собирался бежать. Тогда агент повернулся к охраннику.

В социальном профиле указывалась только фамилия – Халдамакин.

– Мы не знакомы?

– Нет, – ответил охранник металлическим басом, который бывает при глубокой киберизации легких.

– Поучаствовали?

– Курдистан в пятьдесят восьмом, Северная Родезия в шестьдесят третьем...

– Кашмир?

– Никогда там не был...

Лицо его казалось знакомым, но на удивление Мухаррам не мог его вспомнить.

Если он воевал в Курдистане в пятьдесят восьмом, значит, родился не позже сорок второго. Мухаррам внес в виртуальный ежедневник отметки о личности охранника и сведения для проверки.

Дальше изображать дружелюбие не было никакой нужды. В дверях появился Парацельс. Он не стал проходить в приемную, только кивнул, чтобы Мухаррам с Халдамакиным шли следом.

Прямо за штаб-квартирой ГМС тянулся один из туннелей корпускулярия. Войдя через боковую дверь, все трое оказались в тянущейся на километры оранжерее, украшенной виноградом и другими ползучими растениями. По обе стороны от двухметровой ширины тропинки росла бельгийская трава, причем необычайно высокая для своего вида.

Мухаррам и Парацельс направились в сторону корпускулярия, телохранитель шел в пяти-шести шагах позади них.

– Скажите, вы из тех политических консультантов, которые действительно разрабатывают определенные линии политического поведения, или из тех, от которых бывает много проблем?

– Наши общие знакомые разве не сказали?

– Они сказали, что хорошему человеку надо помочь. И тогда он уберется подальше...

Мухаррам улыбнулся:

– Со мной обычно не бывает проблем, если люди говорят то, что знают. А когда они меня обманывают, я очень расстраиваюсь.

– Вас так легко расстроить?

– Меня расстраивает Кашмир...

Парацельс поднес к лицу свой киберпротез. Сделав несколько пазов над проекционной клавиатурой, он разорвал локальную персональную сеть с охранником, чтобы остаться с Мухаррамом в приватном режиме. Позже он вызвал объемное изображение головы Воронова и список его контактов за последнее время. В основном ими оказались малозначащие торговцы, представители власти и участники литературных объединений. Заметал следы. Прорабатывать морфологию контактов придется несколько дней. Мухаррам записал данные на свою внешнюю память, «флешку» для мозга.

– Александр – интересный человек. Кажущаяся непоследовательность его действий отражает идеологию, которую он разделяет, но не признает. Весь этот биотехнологический прорыв вместе с кибернетикой, прикладной когнитивистикой и энерготехнологиями породил новую социально-политическую парадигму. Люди впервые получили возможность летать, сворачивать горы, ходить по поверхности Марса, дышать под водой, ловить зубами пулю. Кто-то преисполнен эйфорией и, страдая комплексом Прометея, пытается подарить людям бесконечные чудеса превращенной материи. Ад этих технолибералов – когда два сверхчеловека, усовершенствовавших себя с помощью разных гаджетов и апгрейдов, бьются друг с другом за вакансию уборщика улиц. Другие – конформисты. Я подарил им принцип содержательной умеренности, чтобы они ограничивали свое воображение и имели хоть какую-то твердую основу в вечно меняющемся и опасном будущем. Наша церковь прилагает усилия к тому, чтобы примирить технолиберальную и умеренную фракцию общества, но есть третья сила, которая не признает ни интересов одних, ни интересов других. Александр связался с радикальными гуманистами.

Мухаррам открыл доступные в Мультидомене аналитические материалы по радикальному гуманизму и, не читая, сохранил во внешней памяти.

– Это люди, которые убивают всех, у кого есть имплантаты?

– Радикальные гуманисты верят, что человек – высшее звено эволюции, а те, кто оскверняет свое тело имплантацией, становятся в меньшей степени людьми. Мол, их правами можно пренебречь ради торжества человеческой расы. Так что в каком-то смысле это новый расизм. Люди против сборной киборгов, клонов, гомункулов и инвитрумов. Хорошенький получается цивилизационный пасьянс.

– Значит, все будет серьезно? У него есть свой фан-клуб? – уточнил Мухаррам.

– Александр Воронов не является лидером в этой организации. Он даже не на том уровне, чтобы принимать какие-то решения. Настоящую опасность представляют люди, которые стоят за ним. Это не шайка доморощенных ванильных борцунов, которые расписывают здания революционными граффити. Специалист – человек, который связывает их с заказчиком из Европы. Чтобы защитить его, они пойдут на все. Потому что их ад – будущее, где человеку принудительно вживляют под кожу различные уродливые механизмы. Это те люди, что боялись штрих-кодов, цифровых денег, биометрических паспортов, камер уличного наблюдения, систем кон-

троля дорожного движения, Мультидомена. И чтобы уничтожить такое будущее прямо сейчас, они пойдут на любые человеческие жертвы.

Оранжерея закончилась, и Парацельс с Мухаррамом вышли в корпускулярный, засаженный соснами, туями и елями. Фактически – лес, накрытый куполом. В центре возвышалась величественная золотистая спираль, уходящая за пределы полусферы. Объект Сигма был построен двадцать лет назад, и деревья, растущие здесь, показывали чудеса акселерации, заслоняя от наблюдателя небо и создавая для тех, кто прогуливался по лесу, атмосферу мрачной чащи.

Тропинка, ровно идущая сквозь оранжерею, в лесу начала петлять и делиться, умножая возможные варианты пешего отдыха. Где-то возле спирали пели птицы, воздух наполнялся озоном.

Посетителям этого было достаточно, чтобы не чувствовать себя потерявшимися. То там, то здесь появлялись группы людей, что-то обсуждавшие в тени деревьев.

– А вы знаете, мистер Алиенде, что есть субкультуры, которые перемещаются по нашему континенту только по переходам между корпускуляриями? – неожиданно спросил Парацельс.

– Еще есть морты. Они придумывают все новые вещи, которые могут тебя убить, и депрессируют на эту тему, собираясь в группы по трое. Еще есть «вторичники», так называемые вторичные люди. Они раз в неделю проводят сутки на помойке: питаются, ночуют, спариваются.

– Хишрак! Такое тоже есть?

– Сам видел...

– Очень, очень занимательно, – проворчал Парацельс.

Тропинка вела под уклон, и идти становилось значительно легче. Стараясь не ускорять темп, Мухаррам несколько притормаживал спуск. Его спутник тоже не торопился.

Когда они миновали холм и охранник, следовавший за ними, несколько отстал и пропал из виду, Парацельс коснулся предплечья Шухрата, заостряя его внимание.

– Один из людей, молящихся в нашей церкви, поведал старшему брату Хорхе о том, что из Движения радикальных гуманистов выделилась группа расово озабоченных товарищей, которая мотивирована к активным действиям.

– Чего они хотят?

– Источник не сообщил о точных целях, но о серьезности инициативы говорит тот факт, что группа предпринимает меры конспирации и почти полностью перешла в нижний мир. Также он поведал, что команда укомплектована нужными специалистами и внедриться в нее будет крайне сложно. Однако боевики нуждаются в оружии.

Мухаррам почувствовал ноющий зуд в правом предплечье. Отвернул рукав куртки и почесал руку, с неудовольствием заметив, что кожа отслаивается, обнажая углеродистый эпителий. Быстро расправил рукав и попробовал все же сфокусироваться на проблеме.

– Кто источник?

– Мой послушник работал с информаторами и добыл сведения о том, что частная нелегальная оружейная мастерская «Берингер и сыновья» получила крупный заказ на изготовление автоматических винтовок или чего-то в этом роде, – продолжал Парацельс, делая вид, что не расслышал вопроса. – Мы поддерживаем связь с владельцем через торговца оружием по имени Мацуо Ханиширо. Вы можете выступить как его замена, для подтверждения вам надо передать это сообщение с высоким уровнем шифрования.

По персональной локальной сети Парацельс переслал Мухарраму графическую картинку высокой сложности, похожую на ту, что он видел на месте аварии.

– Так кто источник?

– Разве это имеет значение? Вы же хотите найти человека с одним глазом?

Шухрат начал поиск по городской информационной сети. На улице Транзакционистов действительно находился магазин «Берингер и сыновья». Он занимался продажей коллекционных массогабаритных макетов оружия XX века. Были и современные образцы, взятые со складов, списанные и деактивированные. Магазин предлагал широкий выбор всем, кто купил коллекционную лицензию и заплатил взносы по страховкам.

Налогов как таковых в Антарктике не взималось, поскольку не было государства. Поэтому вся лицензионно-разрешительная работа строилась на покупке прав, а социальная сфера держалась на сложной системе страховок, выплачивать которые можно было отдельно по отраслевым сферам услуг. Правила по приобретению, продаже и хранению огнестрельного оружия тоже оказались весьма либеральными. Это не противоречило преамбуле Договора об Антарктике, в которой говорилось о континенте как о территории мира, ведь речь шла не о содержании войск, а о самообороне. Из-за вольных Правил на этот счет оружием самообороны считались не только пистолеты, дробовики и автоматические винтовки, но и многие боевые имплантаты. Исключение составляли виды вооружений, которые использовались явно в военных целях и были конвенционно запрещены в зеленых зонах. Их называли третьей категорией в отличие от второй, служебной, допустимой в охранных структурах, и первой, гражданской.

В официальных документах «Берингер и сыновья» ничего не говорилось о торговле оружием, устав не предусматривал подобный род занятий. Не было у этой небольшой фирмы и дорогостоящей лицензии, которую могли позволить только монополисты.

– Фирма не вызывает подозрений... – констатировал Мухаррам. – Нелегальный завод?

– Я не знаю подробностей. Вам лучше спросить кого-нибудь в «А-Security», но только после того, как встретитесь с посредником. Учитывая ту спешку, с которой боевики проводят свои экспроприации, времени у вас не так уж много.

Из-за холма появился охранник, и Парацельс снова принял представительную осанку и выражение лица, утратив прежнюю добрую фамильярность.

Они вскоре оказались на опушке перед выходом из корпускулярия. Сквозь полупрозрачные блоки-соты виднелись два размытых очертания дерущихся единорогов. Начиналась метель, и следовало торопиться, чтобы успеть на пневмопоезд.

Мухаррам пожал руку главе церкви и вышел из купола.

Под аркой, созданной двумя нависающими конскими телами, немного в стороне от дороги три пингвина дрались за свежие помои.

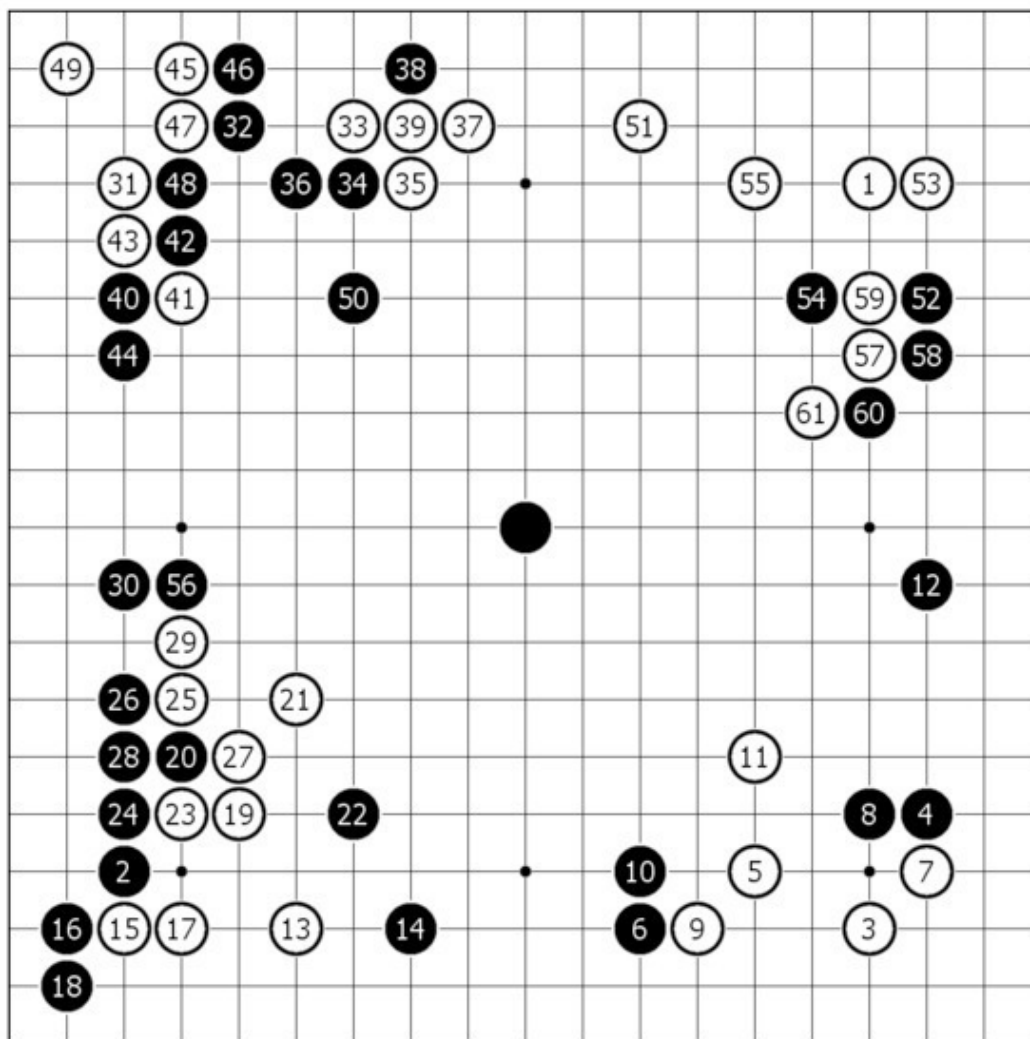
Сетевой дневник Крысолова, день 64

«Сегодня позвонил мой академический друг, которого я использовал, чтобы подделать данные медицинского обследования. Рассказал о стычке в Шринагаре и о том, как не смог предотвратить теракт. Он хотел расспросить о смерти Марии, но из врожденного чувства такта не решился.

Зато спросил, не пострадал ли мой злодар. Мне нравится. Радар на зло. Способность, которую я осознал в раннем детстве, казалась мне подозрительной и неприятной, но сейчас нашла свое практическое применение. Нет, с моим злодаром все в порядке. Сердце, почки, злодар и вестибулярный аппарат – это то, что работает пока что без сбоев».

Тэги: друзья, здоровье, моя Мария.

ГЛАВА IV

Вы вошли в новостной маршрутизатор GMS.

«Новости – только то, что вам интересно!»

1. Сегодня в полночь войска специального назначения Китайской Народной Республики подавили беспорядки на севере страны. Демонстранты требовали вывести войска из Тайваня и прекратить оккупацию острова. За организацией протеста стояли родственники десантников, погибших при штурме острова.

Очевидцы сообщают, что видели генетически усовершенствованных собак, которых власти используют против оппозиции. Военный советник компартии Китая Лао Цзян заявил на пресс-конференции, посвященной мероприятию по подавлению протестов, что данные животные являются конвенционным нелетальным оружием, и их применение для разгона протеста в Китае санкционировано.

Оккупация острова длится уже более семи лет. Она унесла жизни более тридцати тысяч человек.

2. *Завтра начинается период, в который разрешена предвыборная агитация. Постановление об этом сегодня подписал глава социологической компании «MindMonitor» Хашиим Нарули.*

Ровно через месяц миноритарные акционеры Антарктического консорциума смогут проголосовать за кандидатов в Совет директоров и их административную программу.

3. *Мика Вострубайло, лидер группы технолибералов, претендующая на пост крон-директора, выступила с официальным заявлением, в котором подвергла критике деятельность действующего Совета директоров, и огласила свою программу.*

Среди провалов Совета госпожа Вострубайло назвала участившиеся случаи терроризма и понижение акций добывающих компаний, составляющих основу антарктической экономики. В будущем же новый кандидат собирается либерализовать страховое законодательство и превратить Антарктику в Мекку биокibernетики.

«Берингер и сыновья» представлял собой втиснутый между каменными доходными зданиями фахверковый домик в два этажа, украшенный геральдическими узорами даже в нижнем мире. Возводить деревянные строения в Антарктике, даже в секторах, подогреваемых геотермальными источниками на вырезанных в леднике районах, защищенных со всех сторон его заслонами, было необычным и рискованным решением. Впрочем, стоило оказаться внутри, и сразу становилось понятно, что дом только похож на старинный. В его постройке использовались современные материалы, хотя внешне они и выглядели как дерево.

Внутри оказалось темно, естественное освещение почти не использовалось. Это была достаточно длинная комната метра четыре в ширину, уставленная прилавками. Стены, выполненные в виде модных нынче движущихся снизу-вверх стеллажей, демонстрировали самый разнообразный товар – от русских затинных и завесных пищалей с фитильным замком до экзотических снайперских винтовок FN SS500, артефакта, так и не запущенного в серийное производство гением бельгийской оружейной мысли Fabrique Nationale de Herstal. Конечно же, все это были копии. Многие из них являлись дезактивированными переделками, другие – просто напечатанными трехмерными моделями, повторявшими своими внешними чертами боевые образцы.

Мухаррам прошел вглубь помещения, рассматривая предлагаемый коллекционный ассортимент. Сам он не испытывал потребности копить оружейный хлам прошлого: насилия и оружия в его жизни и без него хватало. Однако его отец собирал дешевые копии автоматических винтовок и тратил на них все свободные деньги, которые раньше, до рождения Шухрата, тратил на женщин. Другая его любовь – флейты. Сам Нуруддин говорил, что есть какая-то метафизическая связь между оружием и искусством, между винтовками и флейтами. Но Шухрат, владея и тем и другим, не мог сказать, что понимает, о чем именно говорил отец.

Отцовский интерес при желании можно было понять, если бы не тот факт, что вся квартира за двадцать лет превратилась в схрон стальных болванок, имитирующих оружие различных времен и народов, которые к тому же даже не стреляли и не представляли исторической и коллекционной ценности.

Когда Шухрат подошел к дальнему концу помещения, где вращались на динамичных стеллажах самые редкие и удивительные образцы, из подсобного помещения вышла женщина лет сорока в камуфляжной мужской куртке и темных джинсах, местами впитавших оружейное масло.

– Здравствуйте, что-то уже приглянулось? – спросила она с дежурной улыбкой.

– Меня интересует Самуил Берингер.

– Я Саманта Берингер. Что касается моего отца, вряд ли вы сможете с ним поговорить.

Он умер.

Мухаррам понимающе кивнул.

Несколько секунд он смотрел на то, как на стеллаже показалась штурмовая винтовка Norinco Type 210. Отличное китайское оружие, широко применяющееся в современных войнах в Азии. С ней у него были связаны личные воспоминания: Мухаррам потерял бедро левой ноги, хотя там не осталось ни следа ранения. Винтовка скрылась за верхним валиком, и Шухрат вернулся к разговору с владельцем.

– А его сыновья? С ними можно поговорить?

– У него не было сыновей. Просто он считал, что «Берингер и сыновья» звучит благонадежно. Взял название в коммерческих целях. Ну, знаете, эта тоска европейцев по семейным фирмам, малому бизнесу, персональному подходу к нуждам клиента...

В женщине не ощущалось зла, но чувствовалась такая усталость, от которой люди делают самые страшные вещи в этом мире.

Мухаррам положил руку на прилавок, где виднелась наклейка – желтый треугольник с символом заплетающейся спирали. Возле указательного пальца возникла проекция доверенного Парацельсом кода. Сразу же рядом появилось окно-оповещение «Внимание! Персональная локальная сеть не установлена. Некоторые наблюдаемые вами объекты могут быть недоступны для ваших собеседников».

Он поднял глаза на женщину.

– Что-то случилось? – уточнила она.

– У вас нет нейролинки?

Хозяйка улыбнулась и отрицательно покачала головой. Мало кто добровольно отказывался воспользоваться такими благами цивилизации, как нейросвязь.

– Хорошо, – продолжил Шухрат. – Я от японца.

– От кого тут только не приходят, – улыбнулась она. – Вы не поверите, даже пацифисты приходят прикупить что-нибудь для своих акций.

– Японца интересует другой товар. Хотелось бы взглянуть на верхнюю полку...

Саманта достала из-под прилавка шнур со штекером для прямого подключения. Шухрат воткнул его в свой нейроинтерфейс, и на экране возле кассового аппарата отобразилась картина, видимая из его глаз. Компьютер захватил изображение и перевел проекцию кода в понятный Саманте текст.

– От кого вы, говорите?

– Я друг мистера Ханиширо.

– Не знаю такого...

– Зато он вас знает. И готов разместить крупный заказ, если вы случайно его вспомните...

Берингер вышла из-за прилавка и направилась ко входной двери. Сменив вывеску на «закрыто», она вернулась к прилавку и отворила одну из тайных дверей, скрытых за динамичным стеллажом. Жестом она пригласила пройти следом Мухаррама.

За торговым залом находилась небольшая подсобка, в которой хранились различные предметы бытового назначения: швабры, целлофановые бутылки с очистителем и переносные обогреватели. Стены комнаты казались ровными, их покрывали волнистые обои, сделанные из вторичной бумаги. Только когда Саманта положила руку на одну из желтых волн на правой стене, рука прошла сквозь стену.

Простой фокус для тех, кто пользовался нейролинком. Эта технология, обеспечивавшая видение человеком новых объектов, не существующих в действительности, не скрывала сложные объекты материальной реальности, но, если реальный предмет заслонен сложноорганизованным виртуальным объектом, обнаружить его не так-то просто. Поставить стену там, где ее нет, не получится, но небольшие трещины, впадины и углубления маскировать несложно. И конечно же, этот обман зрения не работал с теми, кто живет в нижнем мире, полностью лишившись прелестей улучшенной реальности.

Что-то повернув в углублении, Саманта развернулась спиной к Мухарраму. Стена перед ними просела и откинулась вправо, открывая проход на винтообразную лестницу, ведущую вниз.

– Как в средневековых замках, честное слово, – проворчал Мухаррам.

– Эта часть дома построена моим отцом, чтобы напоминать ему его прежние владения в Шварцвальде. Мы лишились земли и недвижимости после крушения Евросоюза. Ватикан финансировал строительство экопоселений на юге Баден-Вюртемберга. Старинный друг отца – кардинал Кристоф Шнайдер – готовил армию из тех, кто разорился на кризисе тридцать шестого года, прямо под нашими окнами. Когда президент Евросоюза объявил о завершении проекта... так они говорили, «завершение проекта»... эти бездомные оборванцы разгромили наш замок. Отец находился в отъезде по делам гильдии. Одну мою мать убили, другую под угрозой смерти сделали послушницей в их церкви. Я тогда жила в сотне километров в школе-интернате «Гогенхайм». Хишрак, его тоже разгромили – сделали казармы для этих разбойников.

История типичная для Европы сороковых, поэтому особым сочувствием Мухаррам к хозяйке не проникся. Большинство европейских гуманитарных беженцев, правда, оседали на востоке, в Евразийском союзе. По принципу цивилизационного родства. Но некоторые пытались счастье и в Антарктике.

Подвал представлял собой зал площадью около двухсот метров, разделенный пополам массивными колоннами. Больше чем наполовину его заполняло сложное оборудование, трехмерные ассемблеры и принтеры.

Если раньше для изготовления оружия требовались огромные конвейерные линии, чтобы окупить серийное производство, то теперь стоило только внести трехмерный чертеж установленного образца и расходные материалы, компьютер сам рассчитывает весь процесс и соберет конечный продукт.

Либерализация законодательства об оружии и попустительство торговле на фоне прогноза численности населения планеты в одиннадцать миллиардов к концу века выглядели закономерными, но они сокращали население не там, где нужно. Трехмерная печать огнестрельных образцов вернула моду на малые партии и эксклюзивное именное оружие, а также породило рынок разработчиков и изготовителей, как правило действующих раздельно. Единственное, что угнетало некоторых активных пользователей, так это сохраняющиеся таможенные барьеры и монополия крупных корпораций в этих областях экономики, фактически вытеснивших мелкого производителя. Саманта Берингер совершала экономическое преступление, занимаясь ведением дел без лицензии, но это не выглядело тяжким грехом на фоне общего кризиса международного права и возрождения старых болезней человечества в виде рабства или пиратства.

На гибком мониторе в пятьдесят дюймов, прибитом к неровной каменной кладке, появилась библиотека оружейных систем. Саманта ввела еще несколько команд и повернулась к Мухарраму.

– И что же хочет наш японский друг?

– Он попросил меня взять ваш прејскурант и уточнить стоимость изготовления винтовок повышенной дальности стрельбы. Можете ли вы организовать скидку? И еще у меня есть личный заказ. Мне нужен небольшой... индивидуальный инструмент...

– Что-то конкретное? – уточнила Берингер.

– Попробуйте меня удивить. – Мухаррам улыбнулся. – Есть несколько принципиальных моментов. Во-первых, он должен быть надежным. Я не знаю, в какой дыре окажусь, поэтому к надежности основное требование. Автоматический. Весом можно пренебречь, если он не тяжелее килограмма. Во-вторых, тактическая функциональность...

– Глушитель, фонарь, приклад? Опционально?

Мухаррам кивнул в знак согласия.

Хозяйка мастерской начала прокручивать слайды картотеки, быстро просматривая схемы пистолетов. Там были и те, что распространяются по открытой лицензии, и те, чьи правообладатели могут привлечь к ответственности, если кто-то будет использовать оружие, сделанное по их защищенным схемам. Судя по затраченному на поиски времени, картотека содержала действительно огромную базу.

– Вы похожи на серьезного человека, – произнесла Берингер, разглядывая одну из найденных схем. – Думаю, вам подойдет это...

Мухаррам взглянул на трехмерную модель оружия. Такого он никогда не видел, хотя в жизни пришлось насмотреться на самые разнообразные и экзотические образцы. В пистолете не наблюдалось ничего необычного, если не считать двойного ствола и несколько удлиненной формы ствольного короба.

– Экспериментальная модель АПФ, разработан в «Fedoroff Group», дочерней лаборатории «Izh Exports». В продажу еще не поступил, ждут зимы, когда акции начнут падать. Есть добрые люди: достали схемы, кое-что улучшили и продали мне. По параметрам вам подойдет. Плюс можно использовать патроны сразу двух типов – за счет подачи в разные патронники. Ударно-спусковой механизм взят из другой модели, ПВ-3 «Аист». Эта модель вам, наверное, знакома, как и ее надежность. При необходимости можно вести огонь не только одиночными выстрелами, но и очередями. При этом благодаря наличию замедлителя темпа стрельбы пистолет остается более или менее управляемым. Точность проверяли только с помощью медно-никелевых пуль: разброс на ста метрах около восемнадцати сантиметров. Всего известно два выпущенных аналогичных оружия. На континенте – ни одного. Если важна эстетика, можем хромировать.

Показатели выглядели хорошими для оружия такого класса.

– Что-то идеально все. А в чем недостаток? – спросил Мухаррам.

– Вес будет несколько выше, – созналась Саманта. – Поэтому раму сделаем из полимеров, поставим пластиковую боевую пружину и керамический ствол. Ну и, конечно же, если что-то пойдет не так, в официальную службу техподдержки обратиться не получится. Либо ко мне, либо выкидывать. Это основной недостаток всех моделей, что я собираю.

Звучало приемлемо. Мухаррам подписал договор на имя Маркуса Алиенде и забрал прайс-листы на оружие, которое печатала Саманта. Оставалось решить вопрос с расходными материалами.

– Пули? Что-нибудь проникающее.

Берингер открыла один из ящиков, встроенных в стену.

– Есть кое-что новенькое. Пули G-1. Мощные.

– Насколько?

– При попадании в руку приводят к травматической ампутации.

– Хишрак, я не массакр в торговом центре планирую устроить, – показательно возмутился Шухрат. – Надо что-то совсем скрытное. Пробивает броню, не разрушает внутренние органы. Что-то вроде этих новых импансивных. Физический урон небольшой, но противник не может пошевелиться.

– Найдем...

Саманта проводила его до выхода из магазина и снова сменила табличку на «открыто». Заказ будет выполнен в течение суток.

Практически всю улицу Транзакционистов воротилы из Консорциума застроили трех- и четырехэтажными строениями. С полупустой ночлежки для бомжей, оборудованной для того, чтобы те не ночевали, зарываясь группами в сугроб, так и вообще открывался вид на всю улицу и ближайшие к ней подходы.

Оставалось неясно, когда придет связной, но, как стало известно, это случится в ближайшие дни. И самым важным было не пропустить именно этого человека.

Посетителей в тот день оказалось не так много, как в антикварных и книжных магазинах, в которых бывает схожая посещаемость. Ближе к вечеру зашла престарелая пара, но не высказывала признаков нервозности. Возможно, кавалеру захотелось похвастаться перед супругой своими боевыми подвигами и наглядно показать ей, чем именно он размахивал в красных зонах своей молодости. Еще прибежал какой-то парнишка лет пятнадцати, зашел с пакетом, вышел без него. Скорее всего, разносил ужины.

Из спецсредств у Мухаррама ничего не сохранилось после бегства из Шринагара, поэтому он согревался чем мог. На чердаке пахло сыростью, а почти все пространство было завалено мусором. Мухаррам собрал из обрезков труб и старого ведра бездымный костер. Хорошее дерево найти не удалось, поэтому пришлось жечь то, что удавалось отломить от старых столов и кресел, сваленных в южном углу.

Очевидно, раньше ночлежка являлась каким-то заведением для проведения тренингов, что-то вроде курсов по личностному росту. Основатели Антарктиды думали, что южный континент станет второй Кремниевой долиной или новым Сколковым – местом, где нет дураков и нищих. Но жизнь вносит свои коррективы, и там, где есть высокоразвитая инновационная среда с большими деньгами, есть и паразиты общества, потому что качественное расслоение в человеческом обществе принципиально неизбежно.

Ночью магазин не работал, поэтому Мухаррам поставил будильник нейролинк на восемь утра, притушил импровизированный костер и уснул, прислонившись спиной к одной из чердачных стен.

Вместо будильника его разбудил трансконтинентальный звонок. Агент практически сразу догадался, кто это, но все же, стоило только в трех метрах от него появиться проекции Игоря Ратникова, Шухрат сделал вид, что удивился. По его собственным наблюдениям, это давало начальству понять, что он погружен в оперативный процесс и совершенно не ожидал, что его будут отвлекать.

– Игорь Валерьевич! – воскликнул Мухаррам, слегка приглушая голос, чтобы не разбудить дремлющего этажом ниже вместе с бомжами администратора ночлежки. – Надеюсь, вы мой отчет получили?

– Ты, хищрак, совсем слетел с катушек, кажется! – не то что выкрикнул – прорычал Ратников. Мухаррам спешно убавил громкость. – Я понимаю твое состояние, Кашмир – отвратительное местечко. Да, читал психопрофиль. Но это еще, твою мать, что такое? Улетал из Кашмира – проник на борт гуманитарного самолета. Один хирург заметил, так ты ему чуть голову не проломил. Совсем ополоумел? В Сиднее наклюкался – попал в руки полиции. Дюран уже наказан за то, что за моей спиной в игры играет. Да, я знаю, что именно он тебя вытаскивал. Думали, не узнаю? Приехал в Антарктику – тут же вляпался по самые жабры. Не успел сойти с поезда, уже попался охранной фирме. Использовать незасвеченные документы ума не хватило? Хорошо, что и им черепушки не повскрывал...

Любая организация – сложная гидравлическая машина. Как в стимпанке. Есть котел, в котором закипает вода. Он ничего не делает, кроме того, что кипятит воду. Но своими действиями он запускает механическую реакцию и давит на устройства, которые рассредотачивают давление за счет перераспределения нагрузки. В конечном счете находится в системе клапан, что должен спускать пар. В рамках UNISS – это Мухаррам. Поэтому Шухрат сидел спокойно, надвинув на уши капюшон и слушая, как Ратников поносит его направо и налево. Уши в таком деле не нужны, нейролинк передавал сигнал прямо в мозг. Технологическая шизофрения.

– Я нашел человека, он выведет меня на посредника, который состоит в той группе, что прячет Воронова, – произнес наконец Мухаррам.

– Тебе не кажется, что это как-то сложно?

– Сложно? Я его почти нашел!

Возле Ратникова появилась проекция, на которой он набрал несколько виртуальных кнопок.

– Нашел-то может и нашел. По мне, так еще доказать надо. Нашел и отметил спуском трех тысяч на баб и наркоту?

– Я не пил. Сделал покупки.

– Что за покупки?

– Купил новую флейту...

Мухаррам поднялся с пола и, чтобы не выдать себя выражением лица, повернулся к проему в крыше. До восьми часов утра оставалось пять минут. Магазин откроют в восемь, как и заведено в остальном мире. Хотя такой распорядок выглядит очень странно и непривычно, ведь в Антарктике день длится полгода, ежесуточной ночи тут нет, и жизнь города течет постоянно, не прерываясь на дискретные циклы дня и ночи. Наверное, это дань европейскому прошлому Берингеров.

– Ты про флейту пой своей сестре. Кому ты решил мозги полоскать? Я знаю, это или наркота, или оружие! Где твой табельный пистолет? Да что тут спрашивать, скорее всего, потерял в Кашмире! Одно дисциплинарное взыскание ты себе уже заработал. Немедленно предоставь мне отчет о покупках. Ляжет на стол комиссии по этике. Хишрак, лишь бы это было что-то легальное!

– Я не принимал никогда.

– Кому ты рассказываешь? Я помню каждый факт, каждый твой отчет и все, что мне про тебя сообщали.

Шухрат осекся.

– Мы все следили за твоей карьерой в Южной Азии, – продолжал Ратников. – Я хлопотал перед Арчибалдом, чтобы тебя и лейтенанта Марию Кроиц не выгоняли из Управления после того, как вы накуролесили в Шринагаре. Я сам надеялся, что ты реабилитируешься и приведешь мозги в порядок. Тебя понизили до категории «Ангел А/2». Тебе что, и этого мало? Смотри, я тебя предупреждаю. Если до вас доберется Арчибалд – запросто наматает кишки на люстру зала Генеральной Ассамблеи...

– Да все в порядке, кинем ему Воронова – и он, может, даже премию выпишет...

– Что-то ты вообще не осознаешь всей сложности ситуации, – ответил Игорь Ратников. – И этот отчет о состоянии здоровья... Какая-то подделка! Я просил тебя пройти полное обследование в нашей клинике. Почему ты не прилетел в Женеву, а поперся в Австралию? Эту ерунду вы с Дюраном вместе написали? Хорошенький вы нашли способ поблагодарить Кроиц за то, что она пожертвовала собой ради такого недоумка, как ты!

Но внимание Шухрата было привлечено не к проекции начальника, а к дороге. По улице довольно быстро для своих лет шел похожий на престарелого ученого мужчина. Он нервно оглядывался по сторонам и держал руки в карманах, словно что-то пряча там. Ошибиться на его счет слишком сложно. Мухаррам отпрянул от окна, быстро передел куртку с оранжевой на зеленую сторону и бегом помчался по пожарной внутренней лестнице, позабыв отключить канал связи. Проекция осталась на чердаке, сохранялась только аудиальная связь с Ратниковым.

Глава UNISS продолжал что-то кричать, и, только уже находясь на улице, Мухаррам понял, что именно.

– Я взял след. Включайте позиционирование и шлите ориентировку в «А-Security». Если сбежит, считайте, что все пропало...

– Ты чего? Офанарел? Не звони мне, пока не поймашь хотя бы одного подозреваемого! Или дезертируй на хрен, хишрак. Чтоб я о тебе больше не слышал, – послышалось в ответ.

Но Мухаррам не обращал на начальника внимания. Главное сейчас – не дать сбежать связному. И не только сбежать – не дать спуститься в подвал, откуда наверняка вел запасной выход. Поэтому, максимально мобилизовав всю свою физическую форму, он бросился бегом к ближайшему углу фахверкового домика «Берингер и сыновья», а когда добежал, перевел дыхание, отер со лба выступивший пот и быстрым шагом прошел вдоль стены ко входу.

Саманта не успела дойти до дверей, чтобы перевесить табличку на «закрыто», а когда Мухаррам появился в проходе, уже поздно было его выставлять. Поэтому хозяйка пригласила Шухрата присоединиться. Спуск на этот раз шел медленнее обычного. Первым спускался старик, за ним Мухаррам, Берингер замыкала процессию.

Пока престарелый посетитель с трудом покрывал высокие ступени винтообразной лестницы, Шухрат растегнул ремень с автоматической пряжкой, вынул его из петель штанов и пристегнул под свитером на уровне груди: если охранники приедут раньше, чем планировалось, можно рассчитывать на то, что удастся спрятать оружие на уровне лопаток. Ни в одной стране мира полицейские не обыскивали его в этом месте, а коммерческие службы безопасности и подавно.

На нижней площадке ему удалось рассмотреть старика: человек лет восьмидесяти с явными признаками продления жизни, и, учитывая некоторые особенности косметического вмешательства, эта процедура – не его личная инициатива, а корпоративная программа. Решение нанимателя, не желавшего терять ценный мозг из-за такой нелепости, как старение и смерть.

Человечество так и не вкусило плодов бессмертия. Технолиберальные настроения доминировали недолго. Сразу после начала операций по продлению жизни отдельные страны осознали, что приближают голод и перенаселение. Если к тридцатым годам мир находился в трех шагах от мальтузианской катастрофы, то к сороковым – в шаге. Первые последствия надвигающегося голода должны были проявиться к концу семидесятых, и никакие демографические меры не могли этому помешать.

Эскалация другого конфликта – социального – смела консервативные правительства Европы и Азии в тридцать шестом, когда ООН объявило мораторий на продление жизни. «Революция смертных». Те, кто не успели провести операцию, презирали тех, кто смог это сделать.

Острый политический кризис, расплзающийся по всей Европе, вызвал кризис экономический. Потом распался Евросоюз, к власти вернулись технолибералы, отказавшиеся игнорировать мораторий на бессмертие. Их сменили левые либералы, которые пытались компенсировать запрет на бессмертие широкими свободами в других областях. На фоне чехарды в правительствах, эффективных акциях сепаратизма и нарастающего социального насилия заявила о своих правах католическая Церковь, которой удалось не только восстановить некоторые прежние владения, но и примирить общества гуманитарными акциями, а местами – и симметричным насилием своих новых адептов, набранных по программе экопоселений.

Старик явно из бессмертных того периода. И тем более странно, почему он рисковал этим замечательным даром, сотрудничая с экстремистами. Ведь пожизненное заключение – действительно пожизненно.

Не говоря лишних слов, хозяйка выдала кейсы Мухарраму и старику. Обещанный пистолет АПФ, результат конструкторских усилий «Fedoroff Group», оказался действительно увесистым и выглядел надежно. Мухаррам проверил качку затвора, экстракцию магазина. Пистолет отвечал требованиям, предъявляемым к современному оружию. Магазин только слишком маловат, всего шестнадцать патронов. Для автоматической стрельбы этого явно недостаточно. Впрочем, его это не смутило: можно было купить тактические магазины, превосходящие по объему длину рукоятки, на тридцать-тридцать пять патронов. К тому же Шухрат верил,

что практически всегда можно решить проблему двумя пулями, хотя несколько раз и выходил за этот лимит.

– Оружие замечательное, – произнесла женщина не без доли хвастовства. – Уникальное. Одна из моих лучших работ. Стоит дать собственное имя.

– Назову его *Fuscipes*, – задумчиво произнес Шухрат.

– Почему бы и нет?!

Заказ старика выглядел гораздо интереснее.

Когда тот открыл кейс, в нем обнаружили четыре пистолета-пулемета, выполненных в компоновке булл-пап, достаточно компактные для скрытого ношения и достаточно мощные для использования бронебойных патронов.

– Решил брать штурмом Консорциум, папаша? А рук хватит? – фамильярно бросил Мухаррам.

– Нет, на моржей собрался охотиться, – ответил тот, не отрывая глаз от товара.

– Крупновато для моржа, разве нет?

Старик не ответил. Он захлопнул кейс и направился к выходу, забыв по рассеянности на тумбе пачку девятимиллиметровых картечных патронов и очки в черепаховой оправе. Подобрав эти вещи, Мухаррам последовал за ним.

Сюрприз ожидал их уже на поверхности. Стоило клиенту подняться в торговый зал, блики от проблесковых маяков расплзлись по динамичным стеллажам и потолку. «А-Security» подоспела вовремя и, видимо, уже оцепила квартал.

С несвойственной ему прытью старик в мгновение ока очутился за прилавком. Мухаррам проследовал за ним, Берингер осталась в подсобке, прижавшись спиной к стене.

– Сволочи, вы еще и «охранку» сюда привели! – закричала несколько истерично Саманта. – Непостижимо!

На секунду зазвенела сирена, которую включили, чтобы привлечь внимание. Потом послышался голос Вузвика.

– Буренберг, сукин ты сын, мы знаем, что ты в магазине. У тебя есть минута, чтобы осмыслить свое жалкое положение и выйти, подняв руки над головой. Засранец...

Руки старика затряслись.

Мухаррам, понимая, что, приобретая оружие, сам нарушил Правила, достал из пластикового кейса пистолет и, изловчившись, вставил его под ремень между лопаток. Для старика, который неправильно понял его действия, это послужило определенным сигналом. Буренберг открыл свой чемоданчик, вынул один из пистолетов-пулеметов, неловко примкнул к нему магазин и отвел затвор, загоняя патрон в патронник.

Мухаррам не успел его остановить. Старик приподнялся над прилавком, сделал на нем упор и попытался выстрелить, но получился лишь щелчок затвора, выстрела не последовало. В ту же секунду пуля пробила дверь магазина, пролетела со свистом весь зал и, впившись в плечо старику, прошла навылет, разбрызгивая опилки декораций стены, в которой застряла.

– Хишрак! – закричала Берингер, заламывая руки и опускаясь на пол.

Старик, хватаясь за плечо, также упал на серый грязный линолеум. Он истекал кровью, в красных лужах тонули опилки стены и оброненный пистолет-пулемет. Мухаррам навис над ним и попытался пережать артерию, но ничего не получалось. Кровь брызгала на стены небольшими струйками.

– Ты что, значок не видел? – Мухаррам оторвал с прилавка наклейку в виде спирали на желтом треугольнике. – Смотри. Система реактивного кондиционирования. Гасит все виды горения в помещении, кроме клеточного.

Буренберг силился что-то сказать, но из-за боли и неудачного положения тела выходили только хриплые еле различимые звуки. Шухрат схватил его за шею и помог сесть.

Послышались удары в дверь. Охранники били в нее тараном, чтобы попасть внутрь.

– Кому ты должен был передать оружие? – спросил Мухаррам.

– Я... Они убивали ученых... это заговор. Все, кто работал на объектах, мертвы... Выглядит как несчастный случай... каждый раз... но так не бывает, чтобы вся команда умерла от несчастных случаев...

– Кому ты вез оружие?

– Они знают, что происходит... Тот Человек запретил нам говорить...

– Какой человек?

– Я не для того изучал... морфогенетические поля...

Глаза Буренберга закрылись, хотя сердце еще билось, сонная артерия еще пульсировала. Мухаррам несколько раз потрянул его, чтобы привести в чувство, но все оказалось напрасно, старик не хотел бороться за жизнь. Только, слегка схватив Шухрата за рукав, толкнул его сколько было сил. Потом сердце остановилось, но размеренный стук продолжался – это били тараном в дверь. И дверь поддавалась.

Не медля ни секунды, Мухаррам перекатом преодолел расстояние от прилавка до подсобного помещения, где рыдала Саманта. Собравшись с силами, он схватил ее и рывком поставил на ноги. В припадке она уже ничего не соображала.

– Где запасной выход?!

– Там...

– Где там?!

Почти на ощупь она побрела вдоль левой стены, отыскивая скрытые рычаги. Вскоре она нашла, что искала. Левая стена поддалась, просела и открыла проход на улицу. В уютный семейный магазин ворвался холодный ветер.

Мухаррам на секунду выглянул в проем. Держиморд из «А-Security» там не наблюдалось. Не было ни души. Похлопав по плечу Саманту, он выскочил на улицу и побежал через двор. Дальше шел параллельный проспект, а затем пустырь, заваленный свезенными и спрессованными частными домами. Отличный ландшафт для тех, кто хочет скрыться.

Не успел он сделать и трех шагов, как на полной скорости из арки справа выехал электрокар Мартинеса. Он пролетел через весь двор и врезался в огромный сугроб, переделанный местной детворой в горку. Когда открылось окно водителя, Мухаррам увидел приветливое лицо Джамала.

– Садись...

– Это еще зачем?

– Ты доставляешь нам очень много проблем! – констатировал Мартинес. – Не хватало еще тебя задерживать на месте преступления. Садись в машину. Тебя тут не было, enghañar.

Мухаррам резко развернулся в сторону арки, из которой появилась машина Мартинеса, и быстрым шагом направился в ту сторону, набросив на голову капюшон – так, чтобы и остаться неузнанным, и сохранить угол обзора. Мартинес подал назад. Из задней двери вышел двухметровый оперативник, на вид в нем было центнера полтора непомерно развитой мускулатуры, которую усугубляла полнота. Одним рывком он придавил Шухрата к электрокару и бегло обыскал на наличие оружия, действуя строго по схеме: пояс, подмышки, предплечья. Оружия не нашел.

– Хасан, быстрее! – крикнул Джамал.

Матерый оперативник втолкнул Мухаррама вглубь электрокара, сел рядом.

Ехали молча. Сперва по улице Транзакционистов, потом по Красному Радиальному Антарктическому шоссе в сторону Фильхнербурга. Иногда на обочине попадались дети, игравшие в «Теслу и вампиров». Один ребенок приделывал к шоссе самодельную индукционную катушку и брался за провод. Другой пускал в друзей руками электрические стрелы. И несмотря на то, что напряжение в шоссе – источнике энергии для электрокаров – составляло несколько

тысяч вольт, сила тока была ничтожна, делая его безопасным для людей, а при правильном обращении позволяла создавать подобные физические фокусы.

Уже отъехав на значительное расстояние от района Сидли, Мартинес поставил машину на автопилот и сел в пол-оборота к Мухарраму и своему мясистому коллеге, который за всю поездку не проронил ни слова.

– По-моему, colega, мы неправильно начали. – Джамал решил заглазить неприятные ощущения после фальстарта на вокзале. – Нам лучше сотрудничать. Те, кого ищешь ты, примкнули к тем, кого ищем мы. Хороший повод спрятать мечи в ножны и работать сообща.

– Я не нуждаюсь в вашей помощи...

– Ну почему не нуждаешься? У тебя же ничего нет. Conectado погиб, истек кровью, оружие мы изъяли, Берингер по дороге в суд, определим в одну из частных тюрем, Парацельс вечером отправится в свое турне по Южной Америке. Ни связи, ни оружия, ни наводок, ни информаторов...

– А у вас они есть?

– Лучше! У нас убийство в районе Холлик. Аналитик говорит, что это может быть связано с терактом на перекрестке. Подключайся. Но сперва – в штаб. Вузвик хотел бы лично с тобой переговорить.

Через час они уже въезжали в восточную часть центрального района Фильхнербурга, где располагалась штаб-квартира частной охранной компании «A-Security».

Еще минут через двадцать электрокар подъехал к самому зданию, выполненному в технологическом стиле. Центральный вход охраняли две каменные монтикоры, детализованные с помощью геоархитектурных протоколов Мультидомена. Там, где кончалась крутая полукруглая лестница, находилась площадка и массивные двери метров пяти высотой.

Громила остался в машине, а Мартинес и Мухаррам поднялись на второй этаж, где узкие белые коридоры вели в многочисленные однообразные офисы.

Оперативник отвел своего гостя в одно из дальних помещений, разделенных стеклянными стенами. В центре комнаты висел огромный проекционный шар диаметром метра три, состоящий из вращающихся по своим орбитам кодов, которые не мог опознать нейролинк Мухаррама. Плотность ближе к центру сферы была такой, что все тексты сливались в одно неразборчивое свечение. Вокруг стоящей под ним на полу тумбы, равной сфере по диаметру, находилось множество сопутствующего оборудования, требующего многочисленных навыков обращения. В дальнем конце комнаты в инвалидном кресле сидел человек, вращающийся в пальцах авторучку. Если бы он поднялся, оказался бы на полголовы выше Мухаррама. Темные волосы до плеч и немного сутулая осанка говорили о подавленной индивидуальности.

Внутреннее чутье всего нехорошего, обостренное у Шухрата, почему-то молчало при виде собеседника. Человек в кресле словно являлся частью пейзажа. Нечто неодушевленное, как мебель или портрет, выполненный масляными красками.

– Это наш аналитик, Раиль Хашеев, – произнес Джамал, а потом добавил, значительно снизив тон: – Ты с ним поосторожнее, он гомункул.

– Насколько я помню, гомункулы получают из-за неправильного переноса сознания человека на физический носитель.

Сознание определяется не только совокупностью информации, но и связями между нейронами, обеспечивающими аналогии и другие формы познания, слишком сложные для оцифровки.

Мистики говорили, что человек состоит из семи слоев, из которых только самый нижний служит материальным носителем и вместилищем для тех многочисленных энергоинформационных полей, которые составляют суть его сознания, желаний и судьбы. Гомункулы же были результатом деформации этих полей и искусственного поддержания нижних уровней для механического существования. Рациональных доказательств этому, конечно же, не было: все

проекты по помолекулярной оцифровке человеческого тела показывали, что в теле для души места нет и не было ничего, что можно назвать душой. Но феномен гомункулов, тем не менее, оказался весьма распространенным.

Даже если человек переписывал часть своей личности на физический внешний носитель, находясь при этом в сознании, изменение его поведения можно было наблюдать сразу же после трансфера.

– Эй, придурки, я все слышу, – крикнул, не оборачиваясь, Хашеев.

– Пообщайтесь пока, – добавил Джамал. – Я позову Вузвика. Им на своих реактивных конвертопланах следовало бы давно уже сюда добраться.

Когда Джамал вышел из комнаты, Мухаррам приблизился к вращающейся проекционной сфере. Интересы ради он попытался поймать один из кодов-лепестков, но оборудование не отреагировало на его манипуляции. Лепесток прошел сквозь руку и продолжил вращение.

– Вы когда-нибудь задумывались о том, что сон – это форма смерти? Может, вас клонировали и записали в новое тело. И вот вы открываете глаза, думая, что заснули вечером, а на самом деле уже давно мертвы. И кто вы после этого? – пробормотал Хашеев.

– С тобой так и произошло?

– Я резервная копия того, кем был раньше. Сохранил воспоминания на диск, а потом умер. И теперь я – всего лишь полезное воспоминание, которое даже покончить с собой не может. Меня возвращают обратно, чтобы я отбил их инвестиции. Скучно, правда?

Мухаррам промолчал. Он обошел по кругу тумбу с проекцией и вернулся на исходную точку в пяти метрах от Хашеева.

– У вас сложное имя, Шухрат Мухаррам. Не собрать анаграмму. Я иногда развлекаюсь на досуге, знаете ли, – прервал тишину Раиль. – Очень помогает сосредоточиться. В основном имена собственные. Они мне кажутся наиболее инструментальными. Из имени «Ариадна» получается другое имя собственное – «Адриана», а из имени «Карлос» получается «раскол». Но с вашим не все так просто: у него особое свойство. Неделимость, как у простых чисел.

– Ты что, умник?

– Не жалуюсь. Интеллект около ста пятидесяти. Раньше был выше, но я заблокировал. Традиционно считается, что высокие интеллектуальные способности человека являются его преимуществом, но так говорят только те, кто не испытывают бремени своего интеллекта и не понимают, о чем говорят. На самом деле это экстремум, такой же, как дебилность, только с другой стороны. Высокому интеллекту сопутствуют перманентные депрессии, неудовлетворенность жизнью, убийственная скука, головные боли, метеозависимость, суицидальные идеи, неврозы, бессонница, социопатия, склонность к алкоголизму, имморализм, аддиктивность, маниакально-депрессивные психозы, иногда паранойя, навязчивый перфекционизм и люта я ненависть к штруделю. На самом деле, это как третья рука. В определенном смысле ее можно под что-то приспособить, но в целом это – уродство. Социально выгодное, одобряемое, но все-таки уродство...

Хашеев повернулся вокруг своей оси, вращая в разные стороны колеса инвалидного кресла, демонстрируя металлические вставки, идущие от левой ключицы к линии волос в районе виска. Три тонкие концентрические линии, сопутствующие разъемам интерфейса на голове, шее и ключице. Довольно странное сочетание, учитывая, что сигналы нейроинтерфейсов идут по спинному мозгу и люди предпочитают ставить гнезда прямого нейросоединения именно там.

– Ты слишком забавный для инвалида. Чтобы ощущать жизнь, надо не копать в прошлом, а иметь свой якорь. Привязанности делают людей настоящими. Я играю на флейте и чувствую, что вся энергия космоса проходит через меня. Это как течение реки. В озере стоячая вода, оно рано или поздно станет болотом...

– У меня проблемы с формированием привязанностей, – рискнул прервать его Хашеев. – Мои биоритмы поддерживаются искусственно, нет ни желаний, ни привязанностей, ни страданий. Хорошо так жить? Нет?

Аналитик поднялся из инвалидного кресла и на своих двоих подошел к тумбе. Осмотрев динамику вращения сферы, он скинул с себя кожаную мотоциклетную куртку, обнажив вторую правую руку, интегрированную на уровне пятого ребра. Внешне она практически ничем не отличалась от биологической.

– Будешь кофе?

– Не думаю, – ответил Шухрат.

На запрет употребления кофе, распространяемый комитетом по этике, он, тем не менее, не сослался.

– Есть еще яблоки. Ты любишь яблоки?

– Я больше люблю клюкву в сахаре. Яблоки я не понимаю ни как продукт питания, ни как концепцию.

Хашеев рассмеялся.

– А я люблю яблоки. А клюквы у нас нет...

Раиль сдвинул вместе две проекционные клавиатуры и одновременно начал набирать на них команды. Это у него получалось синхронно. Чтобы наблюдать за тем, какие кнопки он нажимал, Раиль раздвинул в разные стороны глаза, отчего приобрел весьма глупый вид.

– Здесь мы отслеживаем динамику инфосферы. Большую часть работы выполняет Мультидомен. Информация разрастается как снежный ком... ну да, мы же в Антарктике!.. Постоянно появляются новые модели, информация умножается, люди живут в разных версиях истории, считают истинными различные версии. Может, Апокалипсис и не наступит, а вот Инфокалипсис уже наступил...

– Разные версии истории? – уточнил Мухаррам.

– Всегда существовало множество версий истории. Чтобы хоть как-то определить точку опоры, государства создавали летописную историю. Потом ее стали называть национальной. Но историй множество, они вступают друг с другом в противоречие. Появление национальной истории – это декларативная победа проекта, который написало государство. Не более того. Когда государство уходит – как у нас тут – появляется исторический плюрализм. Истории можно создавать с нуля в коммерческих целях, лицензировать их, патентовать и продавать. Ты идешь по улице, убежденный, что это США победили в Первой холодной войне, а рядом идет человек, в чьем историческом знании такого эпизода вообще не было. Стерто. Не просто не выучено, а отсутствует. Здесь мы отслеживаем все лицензионные и нелицензионные версии истории. Они все представляют для нас оперативный интерес.

– А как же истина?

– Истина – универсальное понятие. Оно появилось вместе с технологической победой монотеистов. С исторической точки зрения это недавнее приобретение. – Хашеев поднял один глаз на Мухаррама, словно пытался увидеть реакцию, а потом добавил: – Когда нет единой истины, ее заменяет правда. Правда – справедливая истина. Сколько моделей справедливости, столько и версий правды...

Голос его не казался живым. Скорее, то была речь уставшего от жизни человека. Да и сам он не являлся тем пингином, которым симпатизируют люди во время охоты касаток. Но чувствовалось в нем что-то, что вызывало древние, ранее неизвестные Мухарраму ощущения фатализма. Он общался со своим собеседником, словно с древесным духом, который все про всех знает, но не вмешивается в процесс, предпочитая только делиться тем, что скопил в своих наблюдениях.

Мухаррам не знал, как это корректнее выразить, поэтому предпочел отвлечься.

– Вы знаете, что «Мультидомен» и «Бог» – однокоренные слова?

– Впервые слышу. Весьма смелая аналогия...

– «Бог» по-латыни – «Deus». Отсюда такие выражения, как «Exaudi nos, Domine sancte» или «A furore Normanorum libera nos domine!», а также слова: доминировать, доминанта, домино, доминион, домен и прочие...

Хашеев отнял все три свои руки от клавиатуры и поднял глаза на Мухаррама:

– Тогда выходит, что мы язычники, поклоняемся многобожию. И в этом есть смысл. Искусственный интеллект, который мы называем «Мультидоменом», – это разнесенная в пространстве сеть аппаратных и программных платформ, осознающая себя как личность, с которой мы заключаем сделки и запрашиваем информацию, молясь с помощью корректных запросов. Вот уж действительно интересно. Мы строили машины, чтобы призвать Бога, а на выходе Бог умирает, а из его чрева появляются машины, берущие на себя его функции. *Machina Ex Deo...*

Он вернулся к своему колдовству над клавиатурами.

Хотя темы, что они затронули, были довольно интересны, создавалось ощущение, что разговора не сложилось.

Вузвик появился через несколько минут. Он вместе с высоким человеком в утепленном деловом костюме на пяти пуговицах переходил из помещения в помещение, минуя стеклянные стены. Каждые четыре-пять метров они останавливались и о чем-то оживленно спорили, потом продолжали движение, открывая очередную стеклянную дверь.

Рослый человек держал в руках дипломат, и то, как он с ним обращался, говорило о высокой ценности содержимого. Сам он был под два метра ростом, спортивного телосложения с неестественно желтыми радужками глаз, являющимися, видимо, результатом киберимплантации. На мизинце левой руки его красовался перстень, выполненный в старинной традиции, содержащий родовой герб или его подобие. Некоторые по незнанию могли бы счесть его масонским. На фоне низкорослого и полноватого Вузвика, который носил шляпу даже в помещении, он выглядел весьма выразительно. А вместе они смотрелись словно пара куплетистов без гармошки с восьмигранными клавишно-пневматическими механизмами.

– ... хищрак, Иезекииль, ты знаешь и без меня, что это не наше дело, – донеслось наконец через стеклянную переборку, когда путешествующие по зданию оказались в соседнем помещении. – Мы не занимаемся терроризмом. Это другая корпорация. Обратись к «Enforcement Group». Терроризм это по их части. Пришлют человека из верхнего мира, пусть он разбирается. У нас чисто охранные функции: расследуем воровство, наводим порядок, разгоняем бесплатные митинги...

Только в этот момент стала доступна функция определения личности. Мухаррам открыл проекцию социального профиля. Иезекииль Кохан. Член Совета директоров Антарктического консорциума. Шухрат развернул новостной раздел сервис-спирали. Имя высокого человека упоминалось за последние сутки в местной прессе около сотни раз. Он был представителем фракции умеренных, ведущей фракции корпоративной власти на континенте, а также последовательный противник технолибералов. Особое значение его фигуре придавало то, что он рассматривался как один из кандидатов на пост крон-директора, высшего поста исполнительной власти южнее шестидесятой параллели.

– Наш человек из корпоративной разведки сообщил, что за радикальными гуманистами стоят именно технолибералы! – продолжал Кохан. – Мы утрачиваем позиции, потому что не можем обеспечить безопасность. Украинка со своими ходячими манекенами займет два поста в Совете на следующем голосовании, «Enforcement Group» они уже купили с потрохами...

– Либерально-правые всегда объединяются с ультраправыми. Вся история об этом говорит: Великобритания девятнадцатого века – виги в союзе с расистами, Россия на стыке веков –

либералы с националистами, ну и сейчас то же самое. Но нам нет до этого никакого дела! Мы не играем в политику, наша задача – сделать улицы безопасными...

– Разгром организации несет определенные политические последствия и для «А-Security». Если связь между радикалами и «Enforcement Group» прояснится, мы арестуем их активы и начнем процедуру банкротства. Вы получите часть их инфраструктуры и войдете в категорию Premium для фирм, занятых в охране порядка. Да и сама по себе – это отличная сделка! Если вы ее осуществите, сможете продать арестованных «Enforcement Group», которые будут рады замести следы, что уже оборачивается разовой, но весьма богатой прибылью...

У самой стеклянной двери Вузвик остановился, поднял глаза сперва на Хашеева, потом на Мухаррама, а затем кивнул Кохану в знак согласия. Высокий человек похлопал его по плечу и неторопливой походкой направился обратно. Только после этого Вузвик открыл стеклянную дверь с логотипом компании – Уроборосом, окружающим силуэт Антарктиды, внутри которого изображалась крыса, – и прошел в аналитический центр.

– Что за день такой! Все хотят взять меня за задницу... – произнес он.

Начальник оперативного отдела направился сперва к вешалке у южной стены помещения, где еще недавно находился аналитик и где еще стояло его брошенное инвалидное кресло, снял плащ и повернулся к Мухарраму с немим вопросом на лице.

– Добрый день... – проявил вежливость Шухрат.

– Хишрак, сынок, я тебя насквозь вижу! – выпалил Вузвик. – Это ты был в том чертовом магазине. Даже и рта не открывай, все равно будешь врать, а у меня на эту хрень аллергия. – Он повернулся к Хашееву: – А тебе я сколько раз говорил: хватит пялиться на меня одним глазом. Смотри так, как все люди делают. Оторви морду от клавиатур.

Хашеев отвернул от начальства правый глаз и вернул его обратно к вращающемуся проекционному шару.

– Теперь ты. – Вузвик снова повернулся к Мухарраму: – Долго ты будешь мне жрать мозги?!

– Есть план...

– Какой именно?

Шухрат подошел немного ближе и для установления атмосферы доверия вынул руки из карманов.

– Ваши недоумки убили связного, который должен был взять у Берингер ранее размещенный заказ на четыре пистолета-пулемета. Это оружие предназначалось для радикальных гуманистов, которые, по некоторым данным, готовят теракт. Берингер сейчас у вас, связной мертв. И радикалы, разумеется, лягут на дно. Это неприемлемо. Так что вы дадите мне оружие, а ваш Хашеев аккуратно разместит информацию на каналах черного рынка о продаже стволов. Вы же сами говорили, что кто-то подстроил аварию на том перекрестке, значит, у них толковые компьютерщики, быстро найдут информацию. И выйдут на меня. Дальше уже моя работа: внедрение в группу, установление связей, раскрытие планов...

– Одно условие, – прервал его Вузвик. – Лидеров берем мы. Это не обсуждается...

– Лидеры мне не нужны. Я приехал не за этим.

– Ладно, завали уже! – Вузвик резко развернулся, поправил шляпу и направился в тот коридор, откуда пришел Мухаррам. В проходе он повернулся и добавил: – Я согласую все с председателем правления. Тут жди...

Мухаррам пожал плечами и вернулся обратно к тумбе, над которой корпел Хашеев. Тот оторвал от шара один глаз и направил его вправо, на боковую панель, другой отнял от наблюдения за клавиатурой и посмотрел на Шухрата.

– Я знаю, Вузвик тебе кажется придурком, но он хороший мужик. Просто пять лет лечился от копролалии. Такое зря не проходит, поверь мне, – монотонным голосом констатировал аналитик.

– Напоминает моего босса. Такой же нервный.

Хащев закончил свои дела у проекционного шара и направился обратно к инвалидному креслу.левой рукой он накинул на плечи мотоциклетную куртку и скрыл наличие третьей руки, после чего стал выглядеть относительно нормальным.

– Ты уже думал, как завоевать доверие радикалов? – спросил он, обращаясь, казалось, к стене. – Это опасные люди, чувствующие подвох настолько тонко, насколько это позволяет их естественно-биологическая чистота. Ты и сам в опасном положении, так как у тебя уже есть некоторые расширения тела. Хотя они и не наблюдаются визуально, для радикалов это не имеет значения.

– Нужен нейрохирург, который сможет вставить нейроинтерфейс в позвоночник за полчаса. И нужны препараты, которые приводят к краткосрочной потере памяти.

– У Джамала сестра работала нейрохирургом в салонах связи, – вспомнил Хащев. – Она делала имплантацию быстрее всех на курсе. И практически без отторжений. Если надо сделать операцию в полевых условиях на скорость, мы часто подключаем ее к делу, хотя она и гражданское лицо.

Фридрих Вузвик появился только спустя полчаса, когда начало темнеть за окном из-за ветра, переросшего в сущий полярный ураган, поднявшего снег в небо. Хотя глава отдела и пытался скрыть напряжение, лицо его все равно косвенно выдавало признаки успеха.

Он не сразу заговорил с Мухаррамом, сперва зашел в соседнюю комнату, взял оттуда стул, принес и поставил поближе к тумбе, потом сам сел на него и отдышался.

– Я презентовал твой проект руководству компании, они согласны инвестировать, – произнес он устало и восхищенно, а потом нахмурил брови и сурово добавил: – И чтобы никакого этого твоего дерьма, как в прошлый раз...

Сетевой дневник Крысолова, день 65

«Хотя мой начальник предостерегал от сделок с местными службами безопасности и национальными спецслужбами, он не мог не знать о том стиле, в котором я веду свои дела.

Местное начальство с радостью приняло мою помощь. А мне повезло, что начался предвыборный период. Консорциум давит на всех, кто может помочь реализовать их политические интересы, и местные охранные фирмы проявляют небрежность, цепляясь за любую помощь. Теперь у меня есть хотя бы аналитический отдел и лишняя пара-тройка рук. Но зацепок по-прежнему никаких. Мяч оказался на поле противника, а на его милость никогда не стоит рассчитывать.

День прошел не так, как я планировал. Сегодня у меня ничего не болело, такие дни бывают все реже и реже. В оперативном плане тоже порадоваться нечему».

Тэги: работа, местные, власть, здоровье.

ГЛАВА V

Вы вошли в новостной маршрутизатор GMS.

«Новости – только то, что вам интересно!»

1. Сегодня в три часа по местному времени начались слушания по делу известного российского нациста Владислава Куцка, который обвиняется в том, что в прошлом году жестоко казнил пятерых иммигрантов из Европы. Факт казни он снимал на видео и транслировал на сервис Туран. Видео.

«Против мусульман и азиатов я ничего не имею, они часть нашей русской культуры, – заявил подозреваемый, когда ему дали слово. – Но я против того, чтобы на мою родину приезжали европейцы. Они плодятся, отбирают у местных рабочие места и продают наркотики нашим детям!»

Свою вину Владислав Куцек не признает. Защита настаивает на психиатрической экспертизе.

2. Вчера одна из служб охраны Антарктики провела операцию по задержанию подозреваемого в причастности к Вернадскому теракту в районе Сидли. Им оказался ныне безработный доктор физических наук Нильс Буренберг.

Ученый забаррикадировался в сувенирном магазине «Берингер и сыновья» и взял в заложники владелицу, но благодаря профессиональным действиям охранников был нейтрализован.

Охранное агентство, предпочитающее остаться анонимным, сообщило через свою пресс-службу, что хозяйка магазина также подозревается в ряде финансовых преступлений и отпущена под подписку о невыезде. Также агентство категорически отрицает тот факт, что у Буренберга был соучастник, присвоивший принадлежащее преступнику оружие.

3. На плановой сессии Совета безопасности ООН представители стран-участниц осудили действия венгерского Фронта освобождения Трансильвании, виновного в развязывании насилия в городах Меркура-Чук и Сфынту-Георге. Заявление об этом Совбез распространил утром.

Напомним, эскалация конфликта в жудецах Харгита и Ковасна произошла на прошлой неделе. В ходе уличных столкновений погибло более пятидесяти человек, многие этнические румыны покинули свои дома. Колонны беженцев направляются на юг. Некоммерческие организации, присутствующие в регионе на правах народной дипломатической миссии, сообщают о гуманитарной катастрофе.

Эксперт ООН по глобальным рискам Даниил Кагановский, выступая в Цюрихском гуманитарном университете, заявил, что обострившиеся конфликты в Европе это всего лишь следствие неразумной и мягкой политики Совбеза в отношении Кашмира и Тибета. «Все чувствуют, что наказания за подобные выходы не последует», – прокомментировал эксперт последствия трансильванского кризиса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.